

ДРУГИЕ
МИРЫ

Галина Гончарова

ТАНГО
С ДЕМОНОМ
ТАНГО ВЕРАНО

Галина Дмитриевна Гончарова
Танго с демоном. Танго верано
Серия «Другие миры (АСТ)»
Серия «Танго с демоном», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69645607

Танго с демоном. Танго верано:

ISBN 978-5-17-159152-6

Аннотация

Танец с демоном продолжается. Кружит в своем вихре людей, мединцев, магов и священников, королей и нищих. И у каждого своя цель. Девушкам хочется замуж за любимого человека, нищим – богатства, королям – власти, мединцам – вернуть их создательницу. Чем придется пожертвовать ради своей цели? Правилами приличия? Законом? Семей?

Проще всего мединцам, они всего лишь собираются принести в жертву целый город. Выморить всю столицу. для них не важны жизни людей, не интересны чужие переживания.

Или не все так? Или не для всех?

Может ли тварь из морских глубин любить? Мечтать? Жертвовать собой ради близких? Или демоны выжигают все хорошее в своих созданиях? На это может дать ответ только сама тварь. Музыка, маэстро!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	19
Глава 2	71
Глава 3	145
Конец ознакомительного фрагмента.	160

**Галина Дмитриевна
Гончарова
Танго с демоном.
Танго верано**

© Галина Гончарова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Мужчина посмотрел в окно.

Там сгущались вечерние сумерки. Синие, уютные.

Скоро на резном полотне неба зажгутся звезды. И это ему не нравилось.

Звезды, да...

Они не зеленые. Но слишком, слишком они напоминали ему глаза Владычицы. Слишком часто он думал об утраченном.

Власть!

Да, власть была у него и сейчас. Но не та, не то...

А впрочем...

Мальчик, рожденный в трущобах, не знал, кто он и откуда. Не знал ничего. Ни о чем. Самая обычная судьба, самой обычной уличной крысы. Повезло – не сдох в младенчестве.

Сначала просить милостыньку, потом воровать, потом...

Воровство обычно плохо заканчивается. Поймают – и либо порка, после которой кто отлеживается, а кто и не отлеживается, или рудники, откуда не возвращаются, или еще чего...

Раньше вообще руки рубили. Головы рубили. Всякое бывало.

Сейчас... вроде и жив ты останешься, только сам о смер-

ти взмолишься.

Рамон Амадо Бустос отлично это помнил.

Помнил он, как однажды его побили старшие мальчишки. Вот ей-ей, не хотел он... Случайно... или не случайно?

Но деньги были нужнее ему! И та монета тоже. И вообще... он выклянчил, а отдавать – им? Таков уличный закон, где сильный пожирает слабого. Рамона сильно побили именно за крысятничество. Утаил он часть добычи от своих, ну и получил по полной. И ревел, прячась под досками пристани.

Ревел, пока не увидел ЭТО.

Наполовину женщина. Наполовину кальмар. До пояса женщина, а потом щупальца, щупальца...

Кто-то другой сбежал бы.

Рамон остался.

Тогда он еще ничего не знал о себе. Не знал, почему выжил, не знал, почему ему так легко и спокойно рядом с морем – магический дар, пусть даже непробужденный, многое дает своему носителю. Силу, здоровье, устойчивость к тем же болезням...

Рамон о нем не знал. Зато его почувствовали медицы. И решили поставить себе на службу.

А что? Владычица Синэри говорила собирать таких людей... вот и пожалуйста! Вот тебе маг! Маленький еще... навсегда Рамон запомнил и ласковые зеленые глаза, и ее тихий шепот, и свой изначальный страх, и...

И самое главное!

То ощущение, которое охватило его после соединения.

Ощущение невероятной общности, принадлежности, ощущение тепла и уюта... он больше не одинок! Более того, это лишь часть доступного всем остальным!

Рамон понимал это.

Владычица!

Как же ему хотелось большего! У уличного мальчишки, ворюшки, крысенка, впервые появилась семья! Пусть не совсем такая, как у других, но это люди, которые любят его, и которых любят он! Люди, которые... люди?

Да хоть демоны рогатые!

Неважно!

Как он умолял Владычицу! На коленях ползал, на пузе валялся... да что угодно бы сделал! Лишь бы пройти все стадии единения до конца! Лишь бы...

Синэри запретила.

Нет, не просто так. Рамон прошел лишь часть изменений, и внешне он стал похожим на мединцев. Смог жить и дышать под водой, стал менее человекоподобным, обзавелся прочным панцирем под кожей, ядовитыми шипами – его симбионтом стал ядовитый краб¹.

Так что любой, кто пожелал бы съесть Рамона, отравился бы. Впрочем, Рамон мог отравить и сам. Яда у него хватило бы на половину Римата.

¹ В нашем мире носит название *Daldorfia horrida*, и является милейшим существом. – Здесь и далее прим. авт.

А вот душа...

Душу его Синэри не затронула, равно как и способности к размножению.

Маг.

Редкая зверушка, попавшая в сети. Зверушка, которая нужна целой, невредимой и способной к размножению, чтобы получить поколение детей-магов. И Рамон не возражал.

Его дети будут слиты с остальными!

Они не окажутся на улице, их не будут бить, они не станут голодать...

У них будут любящие (иначе и не получится) матери, о них будут заботиться, его дети будут приносить пользу остальным...

Ради такого можно было и потерпеть. Но Владычица Синэри обещала ему полное слияние спустя несколько лет. Может, лет десять...

Рамон был счастлив.

У него была семья, дело, Владычица... у него было всё.

И этого всего он лишился в единый момент.

Всего, всего...

Он не поверил своим глазам, когда рядом с ним начали падать, биться в корчах, умирать его близкие...

Он тряс их, кричал, пытался что-то сделать... сделать хоть что-то! Перелить свою магию, силу, даже кровью своей напоить... напроочь забыв, что краб, с которым его слили, ядовит.

Они умирали.

Его подруги, его наставники, его братья и сестры, его народ...

Они умирали на его руках.

А потом пошла жуткая волна. И умирать начали те, кого пощадило в первый раз. Просто более слабые, невезучие, те, кто не выжил... не сумел выжить под водой. Даже двоякодышащие могут утонуть. Увы².

Рамон почти никого не спас тогда. Ему удалось вытащить десяток детей – и только. Почти ни о чем. Но все же даже десять мединцев – уже сила.

И крысиные навыки, приобретенные еще в те времена, когда приходилось не жить, а выживать, подсказали ему выход. Сначала устроиться, устроить всех, сначала найти кормовую базу, потом уже выяснять, что и как случилось.

Так он и сделал.

Может, потому и выжил?

Никто из решивших сразу помчаться к Владычице не выжил. Не сумели.

Что творилось возле столицы?

Буйство магии и стихии. И в его эпицентре мединцы просто умирали. Их давила воля Ла Муэрте.

Их уничтожала некромантия, выпущенная на свободу. Да и стихия... море коварно. Растеряйся, дрогни – и тебя

² Ученые проводили опыты. Жаба прожила в воде около 8 дней, лягушка – месяц. А потом – все.

уже ничего не спасет.

Рамон оказался возле столицы только спустя четыре дня. И не поверил своим глазам.

Пещера, в которой жила Владычица, была обрушена. За-валена.

И... Владычицы не было.

Вообще. Нигде. В этом мире ее не было!

Невероятно? Но знания мага подсказали ему верный от-вет.

Владычицу изгнали из этого мира. Просто изгнали, вытолкнули и закрыли дверь. Это сложно, непредставимо трудно, но – возможно. И Рамон чувствовал остатки бо-жественной энергии в пещере.

Там, далеко, под камнями...

СВОЛОЧИ!!!

Как же в эти минуты он ненавидел богов! Всех, всех, ВСЕХ!!!

До крика ненавидел, до слез, до истерики, до стиснутых зубов, до... да до чего угодно!

Где вы были, сволочи, когда малыша выкинули в канаву?

Где вы были, когда меня учили воровать, побираться, ко-гда били, когда я мерз и голодал, когда думал, что моя жизнь закончена?!

Как я молил, как я просил... ГДЕ?!

Не приходили?

Ну и не надо! Но когда нашелся тот, кто пришел! И по-

мог, и поддержал, и... ЗА ЧТО?!

За что вы отняли у меня мою семью?!

НЕНАВИЖУ!!!

И меры этой ненависти не было. Слишком велика она была для любой души.

Он пытался проплыть внутрь, но проходы были завалены. И трогать камни он не решился, те шевелились, словно живые. Да и не нужно было магу воды плыть самому.

Вода же...

Там, где есть капля воды, он увидит все необходимое.

Более того, вода покажет, что случилось...

Показала бы. Но вот так уж срослось. Антонию Лассара повезло. Носительница божественной силы осталась неизвестна жаждущим мести мединам. Вода просто не сохранила ее след.

Она – носительница силы Ла Муэрте, так она и запечатлелась. С силой богини.

А внешность...

Если бы сразу... Если бы снять информацию в тот же день... а так... да, вода все видит. Но это же вода! И капля, которая сегодня была в пещере, завтра будет далеко в океане. Или вообще испарится.

Поди, найди нужное...

Настолько хорошо Рамон считывать с воды не умел. И кто именно причастен к изгнанию Владычицы, не разобрался.

А вот про само изгнание понял. И еще...

Кто сказал, что если мединец – обязательно дурак? Таких большинство, но не все же! Рамон рассуждал просто!

Если Владычицу изгнали, надо ее вернуть. А потом уж можно и отомстить. Небось, она знает и кто ее изгнал, и как, и второй раз такого не допустит. Вот и цель появилась.

Сначала вернем Синэри Ярадан, потом уже можно будет и отомстить. Нужно будет отомстить, даже для своего удовольствия. Но – потом.

Практичность, возведенная в абсолют, иначе на улице не выжить. Никак.

Рамон занялся делом.

Ему надо было устроить тех, кто оказался на его попечении. Сделать так, чтобы они не забыли Владычицу, чтобы прониклись правильной целью, чтобы тоже мечтали вернуть Её...

Найти способ, найти возможность, все придумать, организовать, собрать оставшихся медицев... вдруг кто-то да остался? Следить за происходящим по газетам, искать... да хоть что, малейшие упоминания, зацепки... ну должно же что-то промелькнуть!

И оно действительно – было.

Антонии Лассара повезло и второй раз. Реальная версия и та, которую надо было скормить широкой общественности, сильно расходились между собой. Поэтому задокумен-

тирована и оставлена в архивах была именно вторая. Та, что для широкого употребления.

А первая...

Кто там что знал-то?

Десяток человек? Считай, никто и не знал.

Да, есть поговорка, что знают двое – знает свинья. Может, оно и так, если речь не идет о серьезной тайне. В которой все участвующие заинтересованы чинами, деньгами, а то и своими шкурами. А тут все посвященные были простимулированы сохранить тайну.

Кому-то отломился титул, кому-то земля, кому-то финансирование... по итогам операции. И признаваться даже в кругу семьи, что нет, дорогая, это не я?

Это Антония Лассара, да-да, восемнадцатилетняя девочка, без всяких тормозов, вот она изгнала демона, а остальные так? В лучшем случае рядом постояли?

Дойди такое до короля, головы полетят! А про награды и говорить не стоит! Получишь ты свою награду, пинком под копчик!

Так что все посвященные молчали. Сама Антония тоже не стремилась к известности. Ла Муэрте... ага, обращайтесь к богине с вопросами. На здоровье.

Или в инквизицию.

Или к мэру города Римата.

Так что истину не узнал никто. В том числе и Рамон.

А вот что надо было делать...

Вернуть Владычицу.

Как? Да просто! Если один раз открыли Ворота туда, значит, надо открыть их еще раз. И для этого нужна или божественная сила (не допросишься!), или большая жертва.

А уж там-то Владычица не растеряется, вернется. Рамон в этом был свято уверен.

Мысль о том, что Синэри могла погибнуть... какое там – прийти в голову? Даже и не мелькнула! Ни рядом, ни близко... вообще никак! Этого не может быть, потому что не может быть никогда. И точка.

Итак, с богами номер не пройдет. Остается громадная жертва. Но даже если мединцы все принесут себя в жертву... а они постепенно собирались, ведь все их потайные места так и не обнаружили. Те, что на островах, те, что под водой, те, что рядом с водоворотами... так набралось уже около двух сотен мединцев. Мало, конечно.

Если Владычица не вернется, то вскорости они просто растворятся среди людей. Кто-то так, кто-то иначе... уже их дети будут человекоподобны, а внуки и вовсе самые обычные люди. Или они просто вымрут.

Нельзя же возродить народ из двух сотен представителей? Нет, нельзя.

Тут и магия не поможет, как ты ни крути. Могла бы помочь Владычица, но ее надо вернуть.

Две сотни жертв?

Допустим. Но... Рамон примерно представлял себе, СКОЛЬКО нужно силы. Он представлял себе силу Владычицы. Вот... чтобы изгнать ее, нужно было не меньше. Чтобы вернуть – понадобится больше. Пересилить бога?

Двумя сотнями последователей, часть из которых... ладно уж! Он же не дурак, он видит, что даже если часть верит и верит искренне, то остальные...

Нет, они на Великую Жертву не пойдут. Это ж отдать жизнь и душу, смерть и посмертие, полностью развоплотиться... не смогут. Просто не сумеют.

А без этого смысл жертвоприношения теряется.

Но ведь можно и иначе!

И тут-то Рамон вспомнил про индейцев.

Нет-нет, не стоит думать о них плохо. Они как раз уходили сами, уходили страшной и кровавой ценой, оплачивали свои долги и свои дороги своими жизнями, отданными добровольно. Но...

Чисто теоретически?

Есть ритуал, есть возможность. И да!

Об индейцах не надо думать плохо. А вот об инквизиции не надо думать слишком хорошо! Везде найдутся люди, которым звон монет голос разума застит. Особенно когда монет много. Очень много.

А есть еще драгоценности. И разные редкости...

Записи, относящиеся к исходу индейцев, были скопированы для Рамона одним небрежливым человеком. Скопированы

ны, переданы, тщательно изучены... и получен печальный вывод. Надо не меньше ста тысяч человек.

Смерть ста тысяч человек одновременно может стать основанием для открытия прохода к Владычице. Колоссальная гекатомба, да...

Осталась самая мелочь.

Убедить эти сто тысяч добровольно и одновременно умереть. И... демон с ней, с доброй волей! Пусть умирают просто так! Но – в один миг.

Можно бы и побольше, но...

А как?!

Рамон долго размышлял, думал, а потом... потом – сообразил!

Конечно же!

Взрывчатка!

При достаточном количестве ее может получиться и больше жертв. И Владычица сможет вернуться. Она же их не бросит, ведь правда?

Правда!

Место?

Что за идиотские вопросы! Конечно же Римат! Жаль, нельзя провести ритуал на месте дворца герцога, но...

туда – не пройдешь. Даже спустя пятнадцать лет почва там ненадежна. Дворец и охранять-то не надо. Просто до него можно не дойти. Провалиться в яму, сломать ногу или еще чего. Сама почва неустойчива.

Мародеры – и те не суются. И опасно, и ощущение... неприятное. Все пропитано и силой Владычицы, и силой Богов... даже Рамону не слишком-то хорошо, а уж обычному человеку – это как голому, да в крапиву.

Значит, Римат.

Это рядом. А остальное можно обеспечить рунами и кристаллами.

Рунный круг и кристаллы – там.

Рунный круг и кристаллы в поместье.

И энергия, жаль, не вся, часть расточится, это неизбежно, польется на поместье, туда, где открывали первый портал. И Владычица вернется.

Да, идея хорошая. Но на все это нужны деньги, деньги и еще раз деньги.

Не просто сами по себе. Нужно сотрудничать с людьми.

Кто-то должен доставать магические компоненты, кто-то кристаллы, кто-то рассчитывать сам ритуал... Рамон умел многое, но на такие сложные материи его образования попросту не хватало! Это ж не водяной плетью хлестать, тут ошибка в десятом знаке после запятой уже приведет к катастрофе.

А еще надо закупить взрывчатку, заложить взрывчатку, дождаться нужного события...

Пятнадцать лет?

Да тут кому другому и сотни не хватит! А Рамон справился! И мог быть горд собой! Всего пятнадцать лет на

подготовку ТАКОГО!

*Владычица тоже будет им гордиться, когда вернется.
Обязательно.*

За окном сгущалась ночь.

Медленно загорались звезды.

Мужчина смотрел в окно, но не видел их. Мысли его были исключительно о грядущем триумфе. Осталось уже немного, всего несколько шагов. Смертельный танец.

Танго над пропастью, на острие клинка...

Он справится. Владычица вернется.

Глава 1

Мануэль Хоселиус погляделся в зеркало.

Стекло послушно отразило представительного и весьма симпатичного мужчину. Черные волосы уложены прядь к пряди, короткая бородка расчесана и тоже уложена воском, чтобы не растрепалась от ветра, лицо...

Все же он просто прелесть!

И возраст здесь ни на что не влияет.

Мануэль был очаровательным мальчиком, потом он вырос в прелестного юношу, а потом в обаятельного и красивого мужчину. И неважно, что брак между его отцом и его матерью так и не был заключен.

Когда это было минусом для королевской семьи?

Да никогда!

У него есть и титул, и герб, пусть с косой полосой и урезанный, но ведь почти королевский! И наследовать он имеет право...

Так-то да. Что другое, а право вы имеете.

А вот шансов сесть на трон у вас нет, друг мой. Попробуйте нет.

Мануэль Хоселиус был незаконным сыном Хоселиуса Аурелио. И будь его родители женаты... он ведь был первенцем у своего отца! Заметим – признанным.

История, впрочем, банальная.

Есть прелестная юная дама. Есть старьй и откровенно надоевший красотке муж.

И есть юный принц. Которому пора вступать во взрослую жизнь.

Что делается в таких случаях? Это во многом зависит и от мировоззрения людей, которые замешаны в ситуацию.

Юная Алисия Катарина не видела ничего плохого в интересе его высочества. Ее супруг же... может, юные влюбленные и были бы оскорблены до глубины души, знай они о разговоре супруга прелестницы с его величеством. Но все было обговорено четко и ясно.

Это у них высокие чуфффффства³ чуть пониже пояса. А у остальных... а у остальных – высокий расчет. Почти высшая математика.

Пусть молодежь нагуляется.

Его величество отлично понимал, что такое первая любовь. Ну и «хочу» тоже. Тут лучше уж дать, чем потом расхлебывать, ей-ей. Нагуляется – успокоится. Все лучше, чем идеализирует девку, потом в семье будет несчастным, да еще или эту же встретит, или потом похожую найдет... обычно ничем хорошим это не заканчивается. Так что король был не против.

А что?

Возраст подходящий, чистенькая, дурной болезнью принца не наградят, достаточно опытная, чтобы мальчишка

³ Не описка, а ирония.

не заскучал в постели, но не шлюха. А главное – замужем.

А муж-то какой удачный!

Королевский казначей! С ним всегда договориться можно будет!

Аурелио Августин так и поступил. Попробовал договариваться. И казначей пошел ему навстречу.

Да, бывает и так. Когда влюбляешься и женишься на девушке, которая тебе во внучки годится. Нет-нет, поймите правильно, разница в те же двадцать лет никого бы не смущала. Бывает. И не такое бывает!

Но не в сорок восемь же! Ей семнадцать! Ему – шестьдесят пять! Думать надо тем, что выше, а не ниже пояса...

Понятно, девушка прелестна, но ты-то ее захотел ОДИН раз. А она хочет – КАЖДЫЙ раз.

А возраст уже не тот, чтобы соответствовать семнадцатилетней прелести. И восемнадцатилетней тоже.

И сердечко пошаливает, и поспать хочется, и... и ловишь себя на мысли, что в организме скоро начнется острая недостача кальция. Уж больно жадными глазами провожают юную казначейшу придворные.

А тут – принц!

Сразу хорошо получается. Супруге – развлечение. И главное, что никто не перейдет дорогу его высочеству.

Казначею – душевное спокойствие. Да, ему наставили рога, но тут можно ходить и носить их почти с гордостью... не с конюхом каким или бретером. Нет. С принцем... кто

сможет отказать его высочеству? Несчастный муж печально покорился...

Это даже и трагический оттенок носит... ах, как красиво звучит! Рога с трагическим окрасом!

И потом, когда отношения закончатся, несчастный супруг кое-что получит за свое понимание и терпение. Сутенерством отдает?

Фи, уважаемые! Это вы зря так судите! Это не сутенерство, а благодарность его высочества своей фаворитке. Такое тоже бывает.

Неучтенным фактором стала только беременность. Такого никто не ждал, вроде бы и принц умел предохраняться, да и даму поили всеми средствами, но – случается. Природа, она свое всегда возьмет. Король скрипнул зубами, но решил кровью не разбрасываться. И договор был чуточку пересмотрен.

Да, и в сторону увеличения суммы – тоже.

Понятно, что родившийся Мануэль Хоселиус был признан его высочеством. И получил герб, хотя и усеченный, получил титул и даже небольшое поместье. Воспитывался он, правда, не при дворе. В деревне.

Но тут уж даже принц не возражал. Что делать с детьми, он в свои восемнадцать представлял весьма слабо. Ладно, в девятнадцать... почти.

Все равно... ребенок? Вот и прекрасно. А почему он так плохо пахнет? И течет с него чего-то такое... а орет он

зачем?

Про осознание ответственности за приведенную в этот мир новую жизнь. Про безумную любовь к первенцу. Про...

Вот писать про такое приятно, а читать умилительно. Только в жизни так бывает крайне редко. И в данном случае ничего подобного у Хоселиуса Аурелио не вспыхнуло и не зажглось, тоже мне, звезда какая!

А вот у Алисии Катарины чувства вспыхнули сразу. К добру ли, к худу, она оказалась абсолютно сумасшедшей мамашей. Ребенка она не спускала с рук, мгновенно остепенилась, забыла о приключениях... супруг нарадоваться не мог следующие пять лет. Потом его все же хватил инсульт, и он отправился сводить баланс к Ла Муэрте, но пять лет он прожил спокойно.

Какие там рога? Что вы!

Идеальная семья!

Ради такого и королевского бастарда потерпеть можно.

Да и супруга так благодарна за его хорошее отношение к королевскому бастарду, что просто идеальной женой стала. Дети – и те оценили. Сначала-то им юная мачеха совершенно не глянулась, а потом и признали, что отец не дурак.

Так-то оно... умному человеку и рога на пользу, и копыта не во вред. Он все сумеет к делу приспособить.

Время шло.

Юный Мануэль вырос, был представлен ко двору и мигом получил всеобщую любовь и популярность. Что уж там...

*Бернардо Хоселиус был слишком молчаливым и замкнутым. Себе на уме. И улыбаться всем подряд явно не соби-
рался.*

*Игнасио Хоселиус вообще весьма негативно относился к людям. Думал о чем-то своем, не переносил шумных тор-
жеств, старался держаться от людей подальше, а Ману-
эль к людям рвался и тянулся. Ему и хорошо было только
среди людей.*

*Скажи ему кто-то, что Бернардо такой, потому что се-
рьезно увлекается психологией и экономикой, а Игнасио обо-
жает астрономию во всех видах, и попросту вечно хочет
спать... посмотрите сами на звезды до утра! Небось, то-
же клевать носом будете! Но Мануэлю это было дико. Он
просто не мог этого осознать. Так тоже бывает.*

*Ему нравились веселье, шум, смех, гуляния, праздники, он
расцветал только среди людей... и люди к нему тянулись,
не понимая, что это не его собственный свет. Сам по себе
Мануэль стоил очень немного.*

*Красивый, но пустой. Чужие фразы, чужие мнения, чу-
жое обаяние... все чужое. Там подсмотрел жест, здесь за-
помнил удачную шутку, тут поклон, там улыбка... и все
покорены, кроме самых пронциательных.*

*Впрочем, пустой горшок гремит громко. А отраженный
свет частичко слепит не хуже солнечного. Да и кто там
будет разбираться? Кому оно нужно?*

Внешность?

И тут демоны подыграли Мануэлю.

Идеальные черты лица он унаследовал от матери. Волосы и глаза от отца. И выглядел так, что дамы таяли, таяли и снова таяли. Буквально стекали ему под ботинки, как лужицы мороженого. Плавилась под солнцем его взгляд. Мануэль и не думал считать победы – вот еще! Это не он за женщинами ухаживает – они за ним! Что ж, если кто-то его получил, пусть будут благодарны. А он пошел дальше.

Нельзя же, чтобы такое сокровище принадлежало только одной?

Никак нельзя!

Бернардо красивой внешностью не отличался. Он просто пошел в свою мать, а ее высочество, увы, не была красавицей. Старинный род, богатство и связи совершенно не гарантировали личное обаяние. И вот!

Слишком длинный нос! Слишком широкий рот. Маленькие глаза. Понятно, и с таким набором можно быть обаятельным. Но у Бернардо и это не получалось. Сначала он учился, а потом, когда начал разбираться в людях... ему и неприятно как-то стало. Видно же, кто тебе друг, а кто твоему титулу приятель. И видно, и заметно, и вообще – фу!

Игнасио тоже нельзя было назвать красавцем. Он хоть и унаследовал от отца черты лица, но фигуру-палку, неуклюжесть и редкие волосы было не спрятать. Да его это и не интересовало.

А вот астрономия...

При таком раскладе неудивительно, что любимцем всего двора стал именно Мануэль. Общась с ним, люди быстро забывали и про его незаконнорожденность, и про пустоту... тоже своего рода талант. И недюжинный.

А потом...

Есть поговорка: на каждого охотника свой медведь найдется.

На Мануэля он нашелся тоже. В лице очаровательной шестнадцатилетней блондиночки Виктории Меганы. И мужчина попал.

И пропал.

Или...

Может, окажись он хоть ненадолго с красоткой в одной постели, он бы и не попал. И не пропал, и вышел сухим из воды, как это у него и получалось. Но...

Юная Мегана, которую никто не называл Викторией, как-то не ложилось это имя на ее внешность, вот не клеилось – и все тут, была весьма и весьма неглупа. И точно знала, что из приданого у нее внешность – и девственность.

И все. Больше и считать-то нечего.

Внешность – тут понятно. Блондиночка, тоненькая, хрупкая такая, глазки карие, громадные, как у раненого оленя. И плачет красиво. Девственность – тут тоже понятно.

Да, она из знатного рода. Но тут же какое дело! Когда тебе что-то от предков досталось, и ты стараешься его

сохранить, развить, преумножить... это хорошо!

А когда тебе ничего не досталось?

И родители у тебя лентяи и дураки? Если уж очень-очень честно, то они и правда такие. Им бы погулять, поесть-попить на дармовицинку, да и поспать. Можно друг с другом, можно с кем-то еще. А чтобы дочке приличное приданое дать?

А зачем?

Они не пропали в жизни, авось и она не пропадет!

Мегана не хотела так жить! Не хотела считать медяки, не хотела штопать чулки, не хотела... и когда на нее обратил внимание сам Мануэль Хоселиус, решила, что это ее шанс.

Сложится с бастардом – отлично! Считай, она устроена навсегда.

Не сложится?

Если женищина такому сокровищу отказывает... кого-нибудь она себе точно поймает. И Мегана повела свою позиционную войну по принципу: вокруг вьется, а укусить не дается.

Не дам я тебе ДО свадьбы!

НЕ ДАМ!!!

И сама себе не верила, пока не встала перед алтарем! Получилось!

Получилось же!!!

Есть чем гордиться! Собой! Собой, любимой!!!

Да, не ее высочество. Но ведь герцогиня же! И деньги можно не считать! И платья заказывать, сколько пожелаешь, причем у придворных портных, то есть за них даже платить не надо, и свекрови нет – померла ужасе. И супруг... Мануэль не просто так потаскался по придворным дамам. Что делать со своей женой, он отлично знал, так что супружеские обязанности были для Меганы сплошным удовольствием.

Так бы оно и осталось.

Но...

Аппетит приходит во время еды. И тут Мегана тоже не стала исключением.

Может, будь жива ее величество... Или хотя бы супруга Хоселиуса Аурелио, или будь у Меганы свекровь-кобра, или женись кто-то из принцев...

Но вот так вот ей повезло по всем фронтам! Что оказалась Мегана чуть ли не первой дамой при дворе.

А что? Она супруга принца! Пусть незаконного, но первенца же! И пока она главная.

А потом?

А что – потом? И вот тут-то Мегану и начало заедать, как несмазанный подшипник. А потом они все переженятся. И король, и его дети, и его внуки... и окажется она на сто семнадцатых ролях там, где раньше была первой. А она ведь ужасе ощутила вкус власти и денег!

На своем, конечно, примитивном уровне, но ощутила!

Ах, как это замечательно, когда перед тобой лебезят, заискивают, когда ты первая. Единственная!

Самая-самая...

И как бы это состояние сохранить?

А только одним способом. Если Мануэль станет королем, то Мегана сядет на трон. Но для этого надо работать, работать и работать. И для начала с самим Мануэлем, которому и в голову такая мысль не приходила.

Он же не был полным идиотом и претоллично понимал, что на троне не только седалищем сидеть надо! Там еще и думать приходится! Головой!

И платят глупые короли за свою неосмотрительность ей же. Головушкой буйной...

И в истории всякое случалось.

Если бы Мегана поговорила с ним напрямую, может, и послал бы он супругу в дальний поход. Но Мегана была умнее. Она начинала издали, по капле вливала яд в уши мужа, перетряхивала его воспоминания, переиначивала мысли, подсказывала нужные, переворачивала все с ног на голову – и самое ужасное, что Мануэль этого даже не замечал.

Пустота же...

А в пустой кувшин можно и камней накидать, и песка насыпать, и воды налить... и даже все сразу. Там все поместится, только работай.

И Мегана постепенно добивалась своего.

Не за год, не за два, но Мануэль уверился, что жизнь

несправедлива. Ладно еще его отец!

Но потом-то на троне должен быть он! Мануэль Хосе-луис! И поступили с ним плохо! Ну что такое герцогство? Оно же маленькое, и доходы с него не такие большие, и вообще...

К нему относятся несправедливо!

Его не любят, не ценят, не превозносят, не понимают... и вообще, единственное родное существо рядом с ним – Мегана.

Кто-то сомневается? А?

Если кто и сомневался, то Мегана быстро уничтожила таких сумасшедших.

Слово тут, взгляд там, вздох здесь... ах, дорогой, разве кто-то может тебя понять так же, как я? Посочувствовать, полюбить... никогда! Жить без тебя не могу, дышать не получается... и вообще это даже не астма, тьфу на вас, гады неромантические! И не воспаление легких!

И постепенно, потихонечку, проточила Мегана дырочку в камне, постепенно стал Мануэль коситься и на отца с неодобрением, и на братьев...

Может, напрямую он на преступление и не пойдет.

Но...

Ему и не надо.

Дорогой, расслабься и доверься жене. Она точно знает, как для нее будет лучше.

– Котики?

Во многом Феола была и оставалась симпатичной девушкой. Которая обожала пушистых мурлык.

Правда, на островах такие не приживались.

Нет-нет, они были, но совсем другие. Островные, колониальные котики были раза в три крупнее своих материковых собратьев. Более того, немного другого строения, длинноногие, изящные, крупные, вполне способные при необходимости заменить сторожевую собаку.

А еще – их не пускали в дом.

Потому что метили они все, до чего могли добраться. Вот просто – всё. И запах стоял такой, что на него можно было топор вешать.

Так что кошек Феола любила и уважала, но на расстоянии. Не домашнее оно – и все тут.

Или?

– У нас сейчас в магазине три котяры живут, – рассказывала Висента. – Два мальчика и девочка. Нет, мы их не приганиваем, сами как-то дорогу находят. Один из мальчиков ритану Лассара-Риалон выбрал своей хозяйкой, везде за ней хвостом ходит, а тех, кто к ней подошел слишком близко, может и лапой треснуть. Там такие позиционные бои были! Это что-то! Еще один четко решил, что это – его магазин. А

остальных пристраивать будем.

– Пристраивать?

– У нас так уже бывало. Сеньор Мендоса, это кот, который достался ритане вместе с магазином... он же кот! И котят по округе производил исправно. И иногда приносил их в магазин.

– Приносил? – удивилась Феола.

– Да. Сам приносил.

– Добытчик.

Висента пожала плечами.

– Если будет нужен котенок – обращайся.

– Обращусь, – согласилась Феола. А что? Алисия себе, вот, слизняка завести пытается, да какого! А Феоле даже кошку нельзя?

Несправедливо!

Девушки ехали домой к Веласкесам.

Вез их Серхио Вальдес и отчаянно пытался придумать, как же так повести разговор, чтобы его не треснули по голове чем потяжелее. Вряд ли Вальдесы одобряют его поступок. Но – надо. Не подставлять же Мерседес под еще одно похищение. Ей и так неоправданно повезло... уже три раза. Как бы не оказался лимит исчерпан.

* * *

Мерседес в этот момент входила в особняк тана Мальдо-

надо. И надо сказать, краснел тан так, словно и не качался на фонаре с голым организмом...

Неловко ему было.

И залежи пыли... убью эту прислугу! И кисти с красками, небрежно брошенные на кресло, и блуза художника, вся в пятнах, и пятно на обоях... это он в стену бутылкой с вином запустил, а обои пока не меняли...

Да, и сапоги можно было бы в камин не совать. Но там он их точно нашел бы...

Возможно, тан Мальдонадо и был гением.

Но вот поросенком он был без всяких допущений.

Обычно он своим эпатажем бравировал, выпячивал его, подчеркивал, гордился... а вот сейчас... стоит он, дурак-дураком, и смотрит, и глазами хлопает. И что тут скажешь? Самое банальное, увы.

– Простите, Мерседес. У меня беспорядок...

– Ничего страшного, – взмахнула рукой девушка. – Тан, я же понимаю, вы не рассчитывали ни на что такое.

– Да...

– Это мне жутко неловко, что я вот так... что меня вам навязали.

Мальдонадо расправил плечи.

– Мерседес Вирджиния, клянусь. Никто и никогда мне ничего не навяжет. Если я сам не пожелаю. Давайте я вам покажу вашу комнату?

Нельзя сказать, что гостевые покои были лучше. Но в них

убирали... какая стерва труссы забыла на столе?! Красные, кружевные...

УБЬЮ!!!

Тан поспешно схватил белье и спрятал в карман, надеясь только, что это – единственный экземпляр. Мало ли кто и что еще забыл? И где...

Точно!

Сначала убью всю прислугу, потом уволю! Два раза!!!

Мерседес тактично сделала вид, что ничего не заметила.

– С вашего позволения, – поклонился Херардо Диас. – Вы составите мне компанию за ужином?

Мерседес прислушалась к себе. Есть не хотелось, только спать.

– Тан, умоляю, поймите меня правильно... я так переволновалась. Едва на ногах держусь. Я, наверное, сейчас спать лягу. Хорошо?

Мальдонадо обозвал себя идиотом.

Действительно, девушка вся зелененькая, едва на ногах стоит. А он туда же...

– Конечно, Мерседес. Но на голодный желудок спать вредно. Давайте поступим так: я прикажу принести вам молока и плюшек. Хорошо?

Мерседес кивнула и мечтательно улыбнулась.

– Я пока волосы расчешу...

Тяжелый узел смотрелся красиво. Но походи весь день со шпильками...

– Тогда с вашего позволения, – сделал шаг к двери Мальдонадо.

Мерседес тоже шагнула к нему.

– Тан, спасибо вам. Я же понимаю, что вам и сложно, и тяжело, и не нужно все это. Но вы взяли на себя мои проблемы... вы такой благородный!

И...

И губы, которые робко-робко касаются его щеки.

Очнулся Мальдонадо только перед закрытой дверью гостевой комнаты. И чувствовал себя, как пьяный.

Вот ведь...

Благородный...

Идиот он старый, вот что! Размечтался, недоумок! Тьфу!

Херардо ожесточенно потер щеку – и решительным шагом направился на кухню. Что есть – то есть. Молока в доме вряд ли обнаружится, придется слугам сейчас бежать и хоть из-под земли его доставать. Да и плюшки...

Вот вино и вяленое мясо они бы нашли в момент. Но нужно – молоко! Значит, будет! Хотя в королевском дворце пусть достанут!

Мерседес сидела в комнате, перед зеркалом, и расчесывала волосы. Массировала голову. Становилось легче и приятнее, по мере того как пряди освобождались от противных шпилек. Вон у нее какая грива, ниже талии. Хорошо Тересе – у той легкомысленные кудряшки до плеч. У Феолы волосы подлиннее, до середины спины, но у нее они тоже кудрявые,

легкие. А у нее...

Оххххх!

Мерседес искренне надеялась, что ничем не обидела тана Мальдонадо. Такой замечательный мужчина, такой умный, такой...

Да замолчи ты, дура!

Размечталась тут!

Он на тебя и не посмотрит, перед ним, небось, и не такие красотки на пузе пляшут! А тут ты! Толстая и не особенно симпатичная, разве что натурщица... да, корову с нее рисовать хорошо получится!

Тьфу!

* * *

Как можно найти себе приключений на ровном месте?

Можно.

Особенно если мобиль полицейский, а не личный, вальдесовский. И водитель. Серхио же просил сначала съездить за Висентой, чтобы та вещи взяла, а потом уж они все вместе на нем поехали.

Вот мобиль чихнул, плюнул – и остановился.

Водитель прошипел под нос что-то неприятное и полез наружу.

Серхио расслабился и откинулся на спинку сиденья. Подождет он пару минут, ничего страшного.

Но чтобы подождали две девицы? Да еще спокойно и тихо? Такому – не бывать!

Огляделись по сторонам и тут же нашли себе занятие, благо рядом был магазин с дорогим парфюмом.

– Сходим? – предложила Феола.

– Там дорого, – выразила сомнение Висента.

– Не купим, так понюхаем всласть, – Феола сдаваться не собиралась. Но понимая, что Висенте может быть неудобно, не стала давить. Не все могут себе позволить дорогие духи. – Я сама схожу, ладно? Только туда и больше никуда.

– Сходи, – решил Серхио.

Одна девушка в мобиле еще может помолчать.

Но две?

Никогда! И трещат они как сороки, а у тебя и так голова разламывается! И подумать о чем-то рядом с ними не выйдет. Попробуйте спокойно размышлять, если у вас на макушке устроился сорочий базар?

Феола кивнула и выпорхнула из мобиля.

Дорогая лавка встретила ее сложной смесью ароматов, но преобладающим запахом над ними был кофе. Тоже понятно. Чтобы не сбиваться, кофе был повсюду. Стоял в больших банках, молотый и в зернах. Чтобы нюхать в промежутках между ароматами, а то рецепторы отказывают.

Феола с любопытством огляделась по сторонам.

Ну так... ничего особенного. Лавка и есть, как и на островах. Вот, в углу что-то выбирает старичок, вот стоит еще

одна продавщица.

– Ритана, я могу вам помочь? У нас есть прекрасные наборы – мыло, ароматическая вода и духи, все в одной гамме. Жасминовой, к примеру. Хотя для вас лучше выбрать что-то более экзотическое. Вот орхидеи, или лилии...

– Ритана Ксарес, – отозвалась Феола. Лилии ее не заинтересовали, а вот жасмин... – Дайте понюхать жасминовый набор.

– Пожалуйста, ритана Ксарес.

Жасмин пах жасмином. Совсем как на острове.

– Я это возьму, – решила Феола, поочередно открывая содержимое небольшой корзиночки. Да-да, набор был уложен в небольшую корзиночку, и ее ручка перевита цветами жасмина. Мыло, ароматическая вода, духи, крем для рук и для тела – все в одном запахе, а это важно. – Упакуйте – и сколько с меня?

– Два золотых, ритана Ксарес.

– Ксарес?

Феола и не заметила, как к ней подошел старичок.

И... не то чтобы он такой уж старик. Седой, полулысый, пахнет не очень-то, потому и тут отоваривается, вон, у него из свертка в руках аж несет мускусом и чем-то еще таким, мужским, но движения достаточно четкие. И видно, что он крепкий...

– Ксарес.

– Ваш отец – Хулио Патрисио Ксарес?

– Откуда вы знаете? – Феола копалась в сумочке, доставая кошелек.

– Позвольте представиться, ритана. Патрисио Эудженио Ксарес. Видимо, ваш дед.

– У меня нет деда.

– Неужели?

Патрисио Ксарес надменно разглядывал невысокую рыжую девушку. Прищурился, чуть нахмурил брови. Его внучки под таким взглядом робели, краснели, бледнели и начинали заикаться.

Эта же...

Провела по нему небрежным взглядом, словно сплюнула, и отвернулась. Девчонка с корзиночкой косметики для нее оказалась важнее.

– Благодарю, сеньорита. У вас замечательный товар.

Патрисио спускать подобного пренебрежения не собирался.

– Дочь Хулио. Хм... ты на него не похожа.

Феола даже не обернулась. Было бы с кем разговаривать.

– Полагаю, ты похожа или на мать, или на соседа. Ты ничего не желаешь мне сказать?

Феола медленно развернулась.

Вот за мать она обиделась. За себя?

Нет, за себя она не обижалась, было бы на кого! Старый тиран, это же видно! Адэхи ей таких не раз показывал! Это масштабы на островах другие, а люди одинаковые. Подонок

езде подонок, а гулящая девка будет гулять даже посреди океана.

Но малейшее сомнение в чести ее матери разбудило в Феоле гидру и кобру. Если Патрисио Эудженио Ксарес рассчитывал, что она смутится или расстроится, он сильно просчитался. Это по метрике Феоле семнадцать, а по жизни...

Шаманы рано взрослеют, слишком на них большая ответственность.

– Вы выгнали моего отца из дома, когда он пошел против вашей воли. Отреклись и забыли. На каком основании вы, посторонний и малоприятный старик, заговариваете со мной? Вы мне никто, а ваши слова – ничто.

Патрисио опешил.

Теоретически – так и было.

Практически Феола должна была отреагировать не так. Начать оправдываться, ругаться, нервничать, смутиться... да хоть бы и истерику закатить! Нет?

– Я – твой дед.

Феола сощурилась так, что Патрисио даже умилился. Вот такой же прищур он видел в зеркале. Оказывается, внука на него похожа тоже... а что рыжая – бывает!

– Неужели? Когда у меня день рождения? Как мое второе имя? Что вы мне подарили на крестины? Ой, оказывается, вы не в курсе? Тогда какой вы родственник? Много таких... примазывается!

– Уважай хотя бы мой возраст, если не уважаешь свое

имя! Ты – Ксарес, нравится тебе это или нет!

– Когда сказать нечего, говорят о возрасте. Только годы не добавили вам ни ума, ни порядочности, ни доброты. Вы меня не интересуете, тан. И больше не беспокойте мою семью.

– Ты так в себе уверена? А если я завтра отправлю на ваш островок управляющего, выкуплю ваш клочок земли и все там солью засыплю?

Феола расхохоталась старику в лицо.

– Подчинить, придавить, напугать... вы способны только на это, тан? Неубедительно! Отвечу вам той же любезностью! Окаменевший навоз не станет золотом! Не путайтесь у меня под ногами, а то вас все маги Римата не спасут!

Положила два золотых на стойку, забрала заказ – и развернулась. Только рыжий хвост мелькнул в дверях.

Патрисио остался стоять, дурак дураком.

Вот ведь...

Стерва?

Безусловно!

Стервочка, зараза, мелкая дрянь... и почему он так явно видит в ней – себя? С той же дикой гордостью, с тем же характером, с той же волей к победе?

Хулио вырастил единственную достойную уважения внучку.

Мысль о том, что под постоянным гнетом вообще вырасти сложно, тану в голову не пришла.

А вот мысль о том, что Феола интересный объект... сво-

их-то он всех уже сломал. А вот это... определенно, их разговор еще не закончен. Просто Феола Ксарес об этом не знает.

И кстати, правда, как ее второе имя?

И в чей мобиль она садится?

Патрисио собирался узнать все в ближайшее время. Спустить оскорбление даже внучке? Ну уж нет! Не дождется. А вот что он сделает...

На губах старика зазмеилась недобрая улыбка. Сделает. Еще как сделает...

Если бы он знал, что Феола даже слова не сказала спутникам, он бы озлился еще больше. Но Феолу он действительно не интересовал. Вот корзиночка с жасминовыми притираниями – да, туда еще и образец соли для ванны положили, можно потом заехать, купить.

А дед...

Жила без него всю жизнь, и еще две проживет! Тоже еще, сокровище нашлось!

Пфе!

* * *

– Куда вы определили нашу внучку?

Серхио вздохнул. Все он преотлично понимал, что легко не будет. Но зачем же так визжать? У него сейчас уши отвалятся. Девушки, и Феола, и Висента, молчали, предоставляя

ему выкручиваться самостоятельно.

– Сеньора Идана, я попрошу вас не орать.

– ЧТО?! Это моя внучка!!!

– И я тоже хочу ей добра. Вытаскивай ее потом из рук похитителей!

– Дорогая, подожди, – Гонсало отлично знал свою супругу. Если притормозить ее «на взлете», всем потом легче будет. – Тан Вальдес, поймите нас правильно. Сейчас хоть и не старые времена, но должны же быть какие-то понятия о приличиях?

Серхио уверенно потрянул головой.

– Даже обязаны. Но какое это имеет значение, если вашу внучку сегодня опять пытались похитить?

– Снова?

– Да, сеньора Идана. Снова. И подозреваю, будет еще одно похищение. Или два... пока какое-то не увенчается успехом.

Женщина побледнела.

– Я... я...

– Что вы сделаете, сеньора? Запрете внучку дома? Засунете в сундук? Подвергнете опасности и себя, и мужа, и детей... кого похитят, чтобы обменять на Мерседес? Кто попадет под удар?

Серхио был безжалостен, но Феола и похлеще бы спросила. Он же не врет!

Все – правда.

Чистая, беспримесная, бескомпромиссная... Жестокая.

Если Мерседес кому-то нужна, ее будут пытаться похитить и дальше. И если нельзя избавиться от этих попыток, то можно их просто предупредить. Пусть попробуют похитить Висенту.

Насколько поняла Феола, девушка далеко не безобидна. И защитить себя сумеет.

Ну и Феола тоже может... добавить кому-то огня в жизни. Сеньора Идана опустила глаза, признавая правоту мужчины.

– Но... репутация...

– Чья, сеньора? Ваша внучка – дома.

– Эммм...

– Девушка не выйдет из своего укрытия, пока не повторится еще одна попытка похищения. Или две... сколько нам понадобится, чтобы выследить негодяев. А пока – ваша внучка дома. И можете быть уверены, я доверил Мерседес человеку, который сможет ее защитить.

– И не опасен для ее чести?

Феола кусала губы, стараясь не расхохотаться.

Чести?

Интересное определение...

– Я говорю что-то смешное, ритана? – сверкнула на нее глазами Идана Мерседес.

– Мой учитель считал, что честь – это не анатомическое образование, – правдиво ответила Феола. – Честь – это нравственный закон внутри нас, а не лепесток плоти. Но я не

думаю, что Мерседес интересуется своего спасителя именно в этом плане.

– Умные все стали!

Сеньора поняла, что проиграла по всем фронтам, развернулась – и выплыла из гостиной. Тан Гонсало только руками развел.

– Простите ее, тан, ритана, сеньора... Идана очень переживает.

– Ничего-ничего. Феола, ты сможешь Висенте?

– Да, конечно. Пойдем, Винни? То есть Мерче?

– Пойдем, Фи.

Девушки переглянулись – и отправились в отведенные им комнаты. Висенте надо было переодеться в домашнее платье Мерседес. А Феоле предупредить мальчиков, что Висента здесь временно. И да, ее надо звать – Мерседес. Так будет лучше... не надо посвящать детей во все эти проблемы. Пусть знают только свой кусочек истории.

Детство должно быть беззаботным.

А им и так скоро придется очень тяжело. И отец умер, и мать...

Интересно, что там с Вирджинией Веласкес?

* * *

Ее высочество принцесса Маргарита с раздражением махнула рукой на придворную даму.

Та замолчала.

Маргарита с тоской поглядела в окно кареты. Даже не могла, нет. Не положено.

Похоронный кортеж, знаете ли! Он не может летать, словно его ветром подхватило и понесло. И проделать весь путь до столицы за полдня тоже не может.

Церемонность быть должна.

Величие.

А по-простому, пафоса здесь ложкой не отгрести. Хотя кто, кому, зачем – неясно! Воля бы Маргариты Марии... ее бы в этом кортеже никогда не увидели.

Официально здесь находятся те, кто хочет отдать долг покойному королю, те, кто желает с ним попрощаться, те, кто любил его при жизни...

Маргарита Мария отца просто ненавидела.

Ах, не за что? Поверьте, жизнь принцесс – не радостная и ни капельки не счастливая, особенно при таком родителе. Рита, как звала ее мама, любила именно что свою мать. А отца – нет.

Тогда еще просто не любила.

За все.

За то, что на нее смотрят с подозрением. За ледяное равнодушие к матери. За мамины слезы после отцовских визитов. За мамины боль и отчаяние, за ее ранний уход, даже за брата, которого отец равнодушно ломал, стараясь вылепить из него свое подобие.

Маргарите повезло немногим больше.

Когда ей исполнилось шестнадцать, отец вполне равнодушно сообщил ей, что пора выходить замуж. Жениха он подобрал, в своей стране, и пусть радуется. Герцог Агоста согласен на титул консорта, но сына ему Маргарита родить должна. Сын откажется от всех прав на трон, плюс там будут торговые и территориальные уступки, так что для королевства это отличная партия.

Что там для самой Марии?

Да кто ж интересоваться будет!

Принцесса – это разменная монета в политических играх. И судьба ее именно такая. Никого она не интересует сама по себе, как человек. Уж точно не родного отца...

Подумаешь, жених старше нее на двадцать лет!

Подумаешь, внешность у него такая, что герцогу бы жену искать в зоопарке, в клетке с обезьянами.

Подумаешь, она уже третья жена!

Это все неважно. Зато шахты. Зато железо, которого всегда будет мало...

Рита по сей день была уверена, что мать умерла именно от горя. И все это по вине отца.

Замуж Рита вышла. И в первую брачную ночь получила удар правдой поперек романтики! Как оказалось, ее муж – обыкновенный садист. Который даже с женщиной не может без того, чтобы не избить ее, изнасиловать, мучить и издеваться. Нет-нет, не словами, это слишком утонченно.

А вот с оттяжкой, да по морде...

Потому и две жены у него умерли.

Правда, с принцессой он так не рискнул, потому к брачному ложу была приведена служанка. Служанке достались побои, Маргарите собственно акт. И так продолжалось, пока она не смогла зачать сына.

Повезло – Лоренсо Аурелио, названный так в честь деда, родился совершенно нормальным. В мать пошел. Впрочем, продолжения «супружеских обязанностей» Рита ждала с ужасом. Но ей повезло.

Ее мужа убили.

Как оказалось, у его первой жены был сводный брат. Маг-огневик, который уехал в Колонии в поисках счастья. Пока он был там, в семье начались проблемы, девушку выдали замуж, и герцог просто ее замучил.

Брат явился из Колоний с хорошим заработком, узнал про сестру и решил нанести зятю родственный визит. Такой, чтобы эта сволочь костей не собрала.

Так и получилось.

Единственное, чего не учел маг, что убийство в нашей стране наказуемо. И что кузен герцога станет его ловить... неудачно для мага совпало.

Зато для Риты – очень и очень удачно.

Она как уехала к отцу, показать ему малыша... точнее, по-видать мать и показать ей внука, но не скажешь же так вслух? И столкнулись они с огневиком совершенно случайно.

Правда вот потом...

Хотя нарочно Маргарита ничего не планировала. Значит, и в постели они оказались совершенно случайно. Так получилось. Как еще было успокоить женщину, которая рыдала и билась в истерике – от счастья!

Ему надо было выбраться из герцогства, а она радовалась, что свободна! Даже – СВОБОДНА!!!

А вот о последствиях она не подумала. Но чья дочка Ленора Маргарита, она знала сразу же. И радовалась.

Ее ребенок не унаследует гнилой крови мужа! Хотя бы один ребенок...

Только вот потом стало хуже.

Маргарите пришлось вернуться ко двору. Конечно, для матери это была невероятная радость, она хоть в последние годы внуков повидала. Но вот когда у Леноры начала просыпаться сила...

Да-да, та самая.

Девочка оказалась магом огня.

Именно Мария Пилар рассказывала всем про своего шестииродного дядю.

Именно она, понимая, что девочка растет непохожей ни на кого – ни на мать, ни на отца, ни на родных с любой стороны, предложила отослать ее в Академию. С болью в сердце и слезами, но разве там был выбор?

Рано или поздно Хоселиус Аурелио понял бы всё. Если бы девочка была у него на глазах.

А так...

С глаз долой, из мыслей вон.

Да и Маргарите будет легче, все же одного ребенка защищать, это не двоих.

Маргарита выла от тоски, но понимая материнскую правоту, не спорила. И сосредоточилась на сыне. Одного ребенка сберечь от отцовского диктата было намного проще.

Особенно когда ты к нему... ладно, не то чтобы равнодушна! Сына она любила, но намного меньше, чем дочь. Все же сын был от насильника и подонка, а дочь – от нескольких минут счастья.

Не физического, а ощущения свободы! Свободы настоящей, искренней, невероятной! Свободы от оков! Второй-то раз ее замуж уже не выдадут!

Отец видел, что дочь за сына сильно не переживает, и практически не гнобил внука. За него-то она была сейчас спокойна. Сколько труда она потратила, прикрывая сына! Сколько усилий!

Но Лоренсо вырос хорошим мальчиком, и жениться собирается... он пока не сказал на ком, но собирается. Маргарита Мария только надеялась, что это будет хорошая девушка. А все остальное ее не волновало.

Она будет любить невестку, будет любить внуков, главное, чтобы они были.

И дочь она любит.

Но поймет ли ее Ленора?

Сможет ли мать оправдаться?

Вот этого Маргарита не знала, и нервничала, и переживала... и с ненавистью глядела на похоронные дроги.

Всем, всем отец переломал жизнь!

Как же она его ненавидела!

Мать, брат, она сама, ее дочь, дети брата... да, еще племянники... провожать в последний путь? Дайте Рите волю – она вытащит тело из гроба, разорвет, сожжет и осквернит костер! С громадным удовольствием!

Интересно, сколько человек в кортеже с радостью последовали бы ее примеру?

Принцесса усмехнулась.

Лучше даже не думать о таком. Или лучше думать?

Впрочем, ей и без того есть, о чем размышлять. К примеру, о том, как помириться с дочерью. И о том, на ком жениться сын.

Да, ей не выпало женского счастья. Но может, она будет счастлива со своими детьми?

За своих детей?

Лишь бы они поняли, что она все делала ради них. Лишь бы не обвинили...

Как же она ненавидит своего отца! Как хорошо, что он наконец, сдох!

Серхио Вальдесу тоже было интересно состояние Вирджинии, поэтому он поехал сразу в лечебницу.

Вирджиния по-прежнему лежала, словно бревнышко.

– Пару раз она приходила в себя, тан, – доложила симпатичная сестричка милосердия. – Спрашивала, как муж и дети.

– Муж?

– Я сказала, что все в порядке. Она спросила, что с ней случилось, я сказала, что несчастный случай. Больше сил у нее не было.

Серхио кивнул и отправился уже не к сестричке, а к доктору. Спрашивать у него, что и как.

Врач действительно оказался откровеннее.

– Проклятия в нашей практике встречаются не впервые, – честно сообщил он. – Мы и с некромантами сотрудничаем... кстати, с тем же таном Риалоном. Всякое бывает. Кто напрасно ляпнет, да язык не прикусит, кто злонамеренно порчу наведет... тан – отличный специалист. И супруга его просто чудо.

С этим Серхио был согласен. И чудо, и просто хорошие люди, даром что некроманты. Такое тоже бывает. И все же, доктор, что с этой конкретной пациенткой?

– Могильный крест тоже мне встречался. И люди от него

достаточно легко восстанавливаются, – кивнул врач в ответ на высказанный вопрос. – А вот в этом случае... скажите, сеньора вообще... нормальная?

– В каком смысле, сеньор? Она не бегала голой по улицам, насколько я знаю...

– Нет-нет. Она крещеная, она ходила в храм, она верила в Творца?

Упс.

Серхио почувствовал себя так, словно с размаху носом на стену налетел. Да в ней же носом и завяз. А ведь и правда... Джинни даже не до конца человек. Полукровка!

– Не уверен, сеньор. А что?

– Крещение дает определенную защиту. Не всегда, нет, но если человек окрещен, если он искренне верует, если у него в душе и сердце есть Творец... проклятие могло бы и само спасть. Я и с таким встречался. Были в моей практике и случаи самоочищения от порчи, и интереснее бывало.

Серхио кивнул.

В его практике такое тоже случалось.

К примеру, одна актриса мучилась мигренями и подозревала, что ее травят. С тем и обратилась в полицию. Эрнесто осмотрел ее (решительно отказавшись от благодарности натурой) и обнаружил интересную вещь.

Актрису пытались проклясть. Но в том-то и дело, что она давно и серьезно пользовалась сценическим псевдонимом. Ее настоящее имя она и сама уж сто лет забыла... то есть

проклинали ее по псевдониму.

Понятно, проклятье не легло. Разве что головные боли остались. Проклятье Эрнесто снял, актрисе полегчало, а вскорости и одна актриса из второго состава слегла. Но ей уже помогали в тюрьме.

Проклинала?

Вылечим. Но отсидеть придется.

А тут как?

Будет одна из мединцев крестить дочь? В храме?

Рискуя, что ее обнаружат, или младенец как-то не так отреагирует, или священник что-то такое обнаружит... мало ли что? Там же ребенка догола раздевают... хотя у Вирджинии ничего такого не было. Серхио не помнил. Но вряд ли Наталия Арандо пошла бы в храм. Скорее, соврала бы.

– Я не думаю, что она крещеная. Тем более верующая.

Серхио и это разграничивал достаточно четко.

Есть – вера. Есть религия. В первом случае тебе неважно, как называть Творца и сколько раз молиться. Он всегда с тобой, внутри тебя, он рядом и ведет тебя за руку по жизни. И помогает, и поддерживает... не в том смысле, что жизнь у таких людей складывается легко и приятно.

Нет. Проблем у них бывает много.

Но внутри человека есть Бог. И это видно каждому, кто рядом.

Есть и второй вариант. Такие люди очень заботятся о внешней стороне, о религии как таковой. Они регулярно хо-

дят в храм, они правильно умеют одеваться, молиться, креститься, чесаться, кусаться... да что угодно! Все по церковным канонам!

Но... Бога-то в этом и нет! Есть простая схема. Показушничество, как выражалась та же Тони. Маска. Пустота под маской.

Люди, в которых есть Творец, не пойдут на подлость, предательство, обман, они помнят, что другим тоже больно.

Люди, которые ограничены лишь догмами, пойдут на что угодно. Лишь бы их за руку не поймали.

Вот в случае с Вирджинией наверняка имело место быть второе. Она не верующая. Она – религиозная. Это серьезная разница.

А еще она не человек. Наполовину – точно. Пусть изменения там минимальные, но они ведь есть! Это тоже важно. Правда, говорить об этом нельзя, но про остальное точно можно.

Врач выслушал с интересом и даже покивал.

– Примерно так я и думал.

– Она так плохо оправляется от заклятья?

– Отвратительно. Сильно ее искалечить не удалось, но лет десять точно в никуда ушли. И в себя она придет, может быть, через дней десять. А может, и того больше. Мы сейчас не рискуем ей даже правду сказать про мужа. Ей положительные эмоции нужны, а куда уж тут?

Серхио согласился с этим. С другой стороны, если бы

Джин-ни до сих пор подозревали в убийстве мужа, было бы хуже.

– Уже успеет и коронация пройти.

– А ей так хотелось там побывать? Придется обойтись газетами.

Серхио только рукой махнул.

– Выхаживайте ее, доктор. Когда ее можно будет допрашивать?

– Боюсь, что очень нескоро. Может, те же десять дней...

– Много.

– А то и больше. И еще... проклятье могло просто стереть часть информации в ее разуме.

– То есть?

– Она может что-то забыть. Спокойно...

Серхио только рукой махнул.

Ладно, обойдемся и Сесаром. Интересно, что это за зверушка такая? Джинни про него рассказала, вот и будем искать.

* * *

Может быть, дружба Альбы и Розы никогда и не началась бы.

А и началась, так закончилась очень быстро и качественно. Тут и разница в возрасте, все же Альба была намного моложе Розы Эухении, и разница характеров, и где Ксаресы,

род которых насчитывает уже много поколений благородных танов, а где те же Араконы!

Ксаресы ни разу с купцами не роднились! Есть чем гордиться!

Араконы же... что есть в семейной истории, то и будет. Даже некроманты. И попробуйте их оттуда вычеркнуть!

Так что в другой ситуации ританы распрощались бы и напроць забыли друг о друге.

Но!

Пролетевший мимо мобиль щедро обдал их брызгами грязи из лужи. Это такие, заколдованные лужи... они встречаются только тогда, когда вам срочно куда-то нужно, и вы бежите в это самое место при полном параде. Вот тогда...

Тогда совпадает и лужа, и мобиль, и полное отсутствие времени, и идей, а то и встретится еще кто-то, особенно неприятный, обсмеет и пойдет сплетничать по городу.

Рози только ахнула.

Мобиль привез ее и уехал. Ей надо еще добираться до дома, а это... м-да. Неудобно?

Мягко сказано!

Альба, которая тоже оттирала грязные пятна со светлого платья и ругалась нехорошими словами, только рукой махнула.

– Ритана Ксарес, давайте я вас доведу до дома?

Роза Эухения посмотрела на новую знакомую с самой искренней симпатией.

– Благодарю вас, ритана Риалон.

И уселась в мобиль Альбы, который та выпросила у сестры на время коронации.

Опять же, все было бы не трагично, но дамы попали в особняк Ксаресов как раз к ужину. К Розе-то наверх они поднялись без особых проблем. И в порядок себя привели, стерли капли грязи с лиц, Роза щедро поделилась с Альбой одним из своих платьев... правда, потом ританы осознали, что на Альбе оно в груди не сходится. Но зато сухое и чистое, все лучше, чем в грязном.

– М-да, – осмотрела свой бюст Альба.

Между прочим, ей было чем гордиться. Хотя она сына и кормила, но грудь у нее была, как в юности! Высокая и упругая.

– Давай я тебе дам юбку и блузку, – предложила Роза. Ританы уже общались достаточно непринужденно. – Все ж лучше будет.

– Да, пожалуйста...

Альба успела надеть блузку, а вот юбку – не успела.

Так, в одной блузке и чулочках, она и предстала перед таном Ксаресом, который даже не в курсе был про Альбу. Подумаешь там. Кто-то пришел к Розе? Патрисио об этом сейчас не думал.

Ему хотелось озадачить дочь активными поисками юной ританы Ксарес. А кого еще? Самое лучшее – это Розу. Косметика, одежда, кондитерские – где еще ританы бывают? Ей

проще всего навести справки. В полиции он и сам справится, не пожалеет немного золота, а вот сплетни, слухи, скандалы – это к бабам.

Шел-то он к дочке. А наткнулся на Альбу.

И... какие ножки!

Но это он осознал уже потом, после акустического удара. Потому что Альба, видя, что дверь распахнулась, и на пороге стоит кто-то... какая разница – кто?! Она сделала то, что обязана сделать каждая порядочная женщина.

Завизжать на врага. Грозно и победительно.

Хлопнула дверь.

Патриарх семейства Ксаресов остался снаружи.

Ахнула Роза.

– Альба, ты... ой... мамочки...

– Чьи?

– То есть... это мой папа!

Альба закатила глаза. Папа, шляпа... чего он ломится к приличным женщинам?! Мы не согласные! Еще бы в уборную влез! Но вот как тут поругаешься, в чужом доме? Придется идти и извиняться.

* * *

Амадо Риалон перебирал свои карточки, раскладывал их то так, то этак... как же все это сложно!

Как тяжело!

Если действительно попробовать проверить два направления?

А если все три?

С мединцами проще всего. Там-то ясно, что им нужно. Вернуть Синэри. Наверное...

А все остальные?

Каким боком к ним увязаны Веласкесы? Знает ли человек, которому нужна Мерседес, о ее происхождении?

Кто хочет устроить взрыв в столице?

Зачем пытались отравить тана Кампоса? Даже не насмерть отравить, просто вывести из строя?

Что было бы, если попытка удалась?

Амадо попробовал зайти с этой стороны.

Итак!

Допустим, попытка отравления удалась. И снова – вопрос. Кто заказал мастеру бокалы? Жена не говорила, что это обязательно-обязательно мединцы. Вот не было такого.

Просто кое во что ее супруг не посвящал.

Итак, это неизвестно кто. И неясно зачем.

Третья сила? Надо рассмотреть и такой вариант. Вот убивайте об забор, не мог Амадо понять, что получают мединцы от проблем с таном Кампосом.

Мэр заболевает?

Так у него заместителей – хоть соли! Найдется кому его заменить, найдется кому встать у руля... и все будет идти, как и положено. По намеченному плану.

Тан Кампос, конечно, может потерять место, но мединцам-то это ЗАЧЕМ?!

Правильно, незачем. Нелогично.

А еще мединцы вряд ли будут иметь доступ в управу. Тогда, пятнадцать лет назад, мэр только за голову схватился. И приказал обвесить... ладно, не все учреждения, но хотя бы часть разными сигнальными системами.

На основе магии священников (да, у них такая тоже есть, просто они не признаются), магии некромантов, магии водников, воздушников... вешайте все, что знаете, лишь бы оно между собой не конфликтовало, а работало!

Как же маги ругались!

Как же они были злы... вот кто бы знал! Но тан Кампос был неотразимо убедителен. Благо поступления в бюджет получились неожиданно крупные, герцогское-то состояние частично отошло в пользу Римата. Часть земель, к примеру...

Да и король кое-что выделил.

Так что в управу не попасть ни нечисти, ни нелюди. Человеку с дурными намерениями – и то еще поди, пройди! Кое-кто из тех, что ругаться шел, так и стояли перед дверью. Любви к власти им это не добавляло, но – побочный эффект.

А с другой стороны – надо проверять! Мерседес на четверть мединец, но на нее ничего не реагировало. И на Арандо в королевском дворце, а уж там и магов, и прочего...

Надо проверить, есть ли такие мединцы. В принципе, мо-

жет и так быть? Все не пройдут, но кто-то вроде Мерседес – спокойно. И ее охрана не остановит. Сигнальные системы? А если мединец не питает вражды к людям? Наверное, таких немного, но они есть. Предполагая худшее – они есть.

Итак, делаем вывод.

Или у мединцев есть такие существа, которых не распознать обычной сигналкой.

Или... или по-простому все это затеял человек. И второй вариант был логичнее. Подсидеть начальство в преддверии торжеств – это ж милое дело! Все уже налажено, все уже настроено, только приказы отдавать остается, и то не обязательно. Все отлично знают, что и как им делать.

Вывод?

Тан Кампос, на вас могут еще разок-другой поохотиться. Это надо предусмотреть и не допустить. В идеале и врага бы найти... посмотрим, поищем. Мединцев искать тоже будем, но и людей. Однозначно. Этот вопрос рассмотрели, идем дальше.

Мединцев оставим напоследок. Возьмем пока Веласкесов.

Допущение!

Есть некто, узнавший о ворованной королевской крови.

Откуда?

От старых слуг. И вот тут... ладно-ладно, в Каса Норра Амадо не доберется. А вот в столице он кого угодно распросит. Завтра же и отправится. И Феолу с собой возьмет. Если она, как маг, может определять, врут ей или говорят прав-

ду...

Пусть определяет!

Итак, некто узнал. И желает сесть на трон. Для этого надо удачно жениться, и... повыбить остальных претендентов?

Кстати – да.

Видимо, в нем крови маловато, то есть основная линия у нас отпадает? Да, пожалуй. У короля есть бастард, но тот, кажется, женат. Ему Мерседес не нужна. А кому нужна?

Либо это потомки Маргариты Марии, либо это потомки Рикардо Августина. Сам Рикардо Августин?

Нет, это вряд ли, возраст там не тот, его уж с ложечки кормят и на руках таскают. Маразм там полный...

А вот его сыновья и его внуки...

Запросто!

Властолюбие там врожденное, а честь, порядочность...

При дворе? Смеяться начинать после какого слова? Порядочность там попросту не выживает, только подлость. Только грязь...

Беда в другом.

Амадо не сможет допросить их. Это же все – высочества! Все – королевская семья. И его величество такого разрешения не даст, и круг посвященных увеличивать нельзя...

Разве что попросить Феолу?

Чисто теоретически девушка может почуять ложь. Но надо еще исхитриться и побеседовать с их высочествами. И не спрашивать же напрямик: вы тут на трон метите?

Тут кто и что ни ответь – соврут же! Потому как метят.
На трон. Амадо даже не сомневался.

Итак, это у нас вторая сила.

Третья – неизвестная сила. О которой Амадо пока не знает, но вполне возможно, что она существует. Это просто допуск. А вдруг? Но... Амадо не оставляла мысль, что он упускает нечто важное.

Вот есть что-то такое, что важно, и нужно, и вообще... если он это поймет, то сможет начать разматывать клубочек. Но – что?!!

Мысль не давалась в руки. Вилась вокруг, словно назойливая муха, зудела, свербела, но...

Нет, не понять.

Карточки не раскладывались как следует. Оставалось только признать, что он чего-то важного не знает. И ждать дальнейших событий...

А пока пойти и поспать. Феола предупреждала, что надо? Вот и не будем спорить с магом. Ей виднее. Амадо сгреб все карточки, запер дела в сейф и отправился в камеру, отсыпаться.

* * *

Тан Ксарес с интересом посмотрел на вошедшую в его кабинет ритану.

– Добрый вечер, тан, – поздоровалась с ним Альба.

– Добрый вечер, ритана Риалон. Дочь объяснила мне, что произошло. И я благодарен вам за помощь Розе.

Альба качнула головой.

– На моем месте так поступит любая женщина. Да и ваша дочь, тан, помогла мне...

Тан Патрисио прищурился.

Альба мило улыбнулась. Даже в простой юбке и блузке она была настоящей красоткой. Так что тан улыбнулся ей в ответ.

– Ритана, я прошу вас разделить с нами ужин. Вы же не откажетесь?

– Конечно, нет, – мило улыбнулась Альба.

Домой ей не хотелось. Что ее там ждет?

Кто ждет?

Муж наверняка на работе. Если вернется, чудом будет. Но... Альбе его видеть не хотелось совершенно! Хватит и того, что она полностью угробила свою молодость на этого негодяя.

Сын?

Сыну она уже не так интересна. Ему с друзьями проще и приятнее. Веселее и любопытнее. Скоро он начнет интересоваться девушками, а потом сделает ее бабушкой. А ей этого так не хочется, она еще так молода... и никто, никто ее не понимает! Все вокруг твердят, что дети – счастье, внуки – тоже счастье!

А как же для себя пожить?

Покрасоваться среди людей, выйти в свет...

Увы. Альба точно знала, что ее семья ее не понимает.

Что мать, что отец, они твердили одно и то же. Вышла замуж? Все, жизнь закончена.

Свободная, веселая, легкая... теперь надо жить для семьи, для детей... вот, все же так живут! Ну, наверное, все и живут! Но Альба-то не все подряд! Она другая!

Паулина... ну что про нее скажешь? Серая, скучная, даже удивительно, как такой мужчина на нее польстился. Понятно, она будет жить своим домом.

Тони... брррр! Про Тони даже вспоминать не хотелось. Ладно еще – дар самой Лассара. Давил он достаточно сильно, но Альба, может, в силу родственной крови, могла его игнорировать.

А вот Эрнесто Риалон... это точно – бррррр!словно ты в сыром подвале сидишь, и крысы вокруг бегают! Или змеи ползают! Жуть жуткая!

Попробуй с таким хоть слово скажи! Да тебя сожрут живо!

Кстати, в чем-то Альба была недалеко от истины. Эрнесто, конечно, не питался дурами, но качественный скачок в развитии у него произошел. И столкнусь он сейчас один на один с тем же Освальдо – даже не задумался бы. Растер в порошок и пошел дальше.

Но дело-то не в нем!

Дело в том, что пусть все живут так! Они просто курицы!

Серые, скучные, созданные для того, чтобы нести яйца! А вот она, Альба, тропическая, яркая, искристая...

Она должна жить иначе!

Блестать, покорять, ослеплять...

Мысль о том, что даже под павлиньим хвостом скрывается все та же птичья... хм, попа, ей в голову не приходила. Ей же блестать надо! Помаду на нее намазывать! И... куда там прийти? Там все пространство занято непоколебимой уверенностью в себе⁴.

А вот ее родители этого не понимают. Про мужа и говорить нечего – дундук он, вот он кто!

И начинается: должна – обязана – надо – надо – надо!!!

А хочется блестать! Хочется в высший свет, на балы, на вечера, на приемы! Хочется...

Ладно еще – раньше! Двор был в Каса Норра, да и его величество, мягко говоря, не способствовал активной светской жизни. То болел, то помирал... а сейчас?!

Сейчас, когда все перемещается в столицу?!

Тут бы и показаться... ах, вот она вся такая, изящная, тоненькая, одетая по последней моде, с солидным мужчиной рядом... мечты скукожились, словно розы, которые вместо воды кислотой полили. Увы, Амадо не тянул на солидного, с его-то работой. А его зарплата позволяла разве что одно платье у сеньоры Наранхо. В год.

⁴ Даже за самым красивым павлиньим хвостом скрывается самая обычная куриная жопа. Так что меньше пафоса, господа (Ф. Раневская).

Так что Альба была зла на весь свет. И с улыбкой приняла приглашение на ужин.

Ксаресы?

Почему нет?

Семья богатая, знатная... интересно, здесь не найдется ли подходящей невесты для Карлоса? В будущем, конечно, но... дети так быстро взрослеют!

Альба оперлась на предложенный локоть тана Патрисио и под ручку с хозяином дома отправилась на вечернюю трапезу.

* * *

Лоуренсио аж трясло от отвращения. А вот так! Кому бы другому сюда прийти! Но Анхеля он просить не мог, друг и так для него очень многое сделал.

Но и сам тан Ксарес...

Бррр!

Морды эти... нет, не лица, а именно морды, хари и рыла! Ухмылочки такие... жутковатые, гадкие. И взгляды... словно он поросенок на обеденном столе. И сейчас его сожрут.

Но к стойке тан Ксарес прошел вполне уверенно (и не надо тут ехидных взглядов!).

И монету положил, и то самое пойло заказал... бэээ! Как бы еще не вывернуло! Ладно...

– Для Крыса.

– Передам. На словах чего сказать?

– Что третьего раза не будет.

К пойлу Лоуренсио даже не прикоснулся. Хватило ему еще того раза, сегодня он его разве что понюхал. Развернулся и вышел, печатая шаг.

И стараясь не показать своей неуверенности.

Местные? Да плевать на них три раза!

Вопрос в другом. Стал он убийцей – или нет? Взял грех на душу?

Вот это ему узнать хотелось. А все остальное... нет, остальное – неважно.

Больше он не даст денег без гарантий или доказательств. Довольно!

* * *

Вторая сцена повторилась так же, практически без изменений. Разве что в этот раз трактирщик деньги не крал – не успел. Анхель подошел слишком быстро.

– Где?

– Вот, держи, Крыс...

Анхель кивнул и переправил кошелек в карман. Ржавчина неприятно ухмыльнулась, показывая отсутствие половины зубов.

– Третьего раза не будет, слышал?

Анхель, конечно, слышал. Но принимать во внимание та-

кие глупости не собирался.

– Будет. Еще как будет, но дня через три. Или четыре...

– Вот как?

– Кстати, Могильщик сегодня тут?

– Наверху, с девкой. Подождать придется.

Анхель кивнул.

Подождет, никуда не денется. Может, пока в кости сыграет, по маленькой... есть на что играть. Или не надо?

Не везет ему в последнее время... ничего! В любви повезет! Вот она – очаровательная Алисия, бери и пользуйся! Прелесть же! И на все готова, и почти даже не надо уговаривать. Рауль вот...

С другой стороны...

Ортис, ты сам напросился. А долги подождут какое-то время. Никуда они не денутся!

Кошелек решительно отправился обратно на стойку.

– Есть разговор.

Глава 2

– Сколько вы хотите?

– Десять тысяч желтяков, тан. И девка ваша.

– Морда не треснет?

– Тан, вы же хотите тихо, быстро и без шума.

Педро посмотрел на заказчика даже с сочувствием. Вот... его бы воля, не ввязался бы он в это дело. Но последнее время отряду постоянно выпадали две единички на косяках.

Сбежали двое стрелков, ушел хороший клинок, лопнул банк, в котором Педро держал деньги... нет, не отрядные, но свои личные, а это еще грустнее, чем общие. Потом еще выгодный заказ перехватили, да и с той бабой...

Откуда он знал, что она – жена нанимателя?

На ней что – написано?

Баба, она и баба, в темноте не разберешь, вот и потащил в постель. А тут хозяин.

Ну и шум, крики, потеря репутации, полоскать отряд стали на каждом углу так, что хоть ты вешай клинок на крючок, да и иди коров пасти. Ну так и коров-то...

Хорошо бы своих прикупить, а денег нет.

Вообще нет.

И тут – заказ!

Найм, да какой!

Когда к Косому подсел этот тан, Педро даже своей удаче не поверил!

Деньги, деньги, ДЕНЬГИ!!!

Откуда видно, что тан? Так внешность, повадки, разговор – такое не замажешь. Хоть и на морде маска... да хоть ты ее и на задницу надень! Ничего не изменится!

Если Педро сейчас возьмет этот заказ, ему на долю не меньше двух тысяч желтяков достанется. А с этим можно уже и поработать. И в бумаги какие вложить, и в дело... ну, это потом, потом...

– Хочу, – кивнул тан.

– А тут такое... не каждый решится в столице работать.

И это было чистой правдой. Самоубийц среди наемников было маловато. Выбивали их. В самом начале. Но у Педро ситуация была сложная, а выбора и не было.

Заказ был... сложным?

Нет, не то слово.

Муторным, тошнотным, опасным, зубосверлильным... все плохое, что о нем можно бы сказать – о нем и нужно сказать! Это уж точно!

Кто понимает – оценит.

Надо прийти в дом, практически в центре столицы, выкрасть оттуда девчонку, попутно можно захватить ее бабушку с дедом, а можно и убить, как получится, а братьев – убить. И представить все это практически несчастным

случаем.

Как?

Молча. К примеру, пожар. Если кое-какое алхимическое зелье плеснуть, гореть будет, что тот пучок соломы. Потом и не разберешь, до пожара кто умер, после пожара...

Некромант?

Так ведь и против них есть методы. Примешь кое-какие снадобья, тебя и не поднимут, и не призовут. Есть такое...

Убивать мальчишек? Вот уж моральная сторона вопроса Педро несколько не волновала. Плевать на нее три раза! Если ему платят, он делает! Все, что прикажет наниматель. Но никто не сказал, что Педро будет делать это бесплатно.

– Вы понимаете, что если на шумите... я вам ни медяка не дам?

– Понимаю, – согласился Педро.

Это вопрос, конечно, сложный. Дам, не дам... доверенные люди у Косого есть, один из них и проследит за нанимателем. Никуда ты не денешься, родной, платить будешь как миленький. Всю жизнь...

– Если вас поймают, будете тоже выпутываться без меня.

– Буду, тан.

Можно подумать, ты нас защищать будешь! Ха и снова трижды ха!

– Хорошо. Это задаток, – на стол лег увесистый мешо-

чек, и Педро аккуратно притянул его к себе. Спустил под стол, пересчитал.

Триста реалов.

Хорошо, но маловато.

– Тан?

– Это задаток. И вот еще... на оружие и прочие расходы.

Педро хозяйственно пригреб и второй мешочек. Судя по весу, тут реалов двести. Не меньше. Это хорошо, им все пригодится. Потрапились за последнее время.

– Куда доставить добычу, тан?

– Вот до этого места на дороге. Я буду вас там ждать, перегрузжу всех в свой мобиль и уеду. А вы получите остаток денег.

– По рукам, тан. Сколько вы будете ждать?

– До рассвета.

– Хорошо. Мы должны управиться.

– Когда?

Педро прикинул по времени.

– А когда вам надо?

– Вчера.

– Тогда... следующей ночью, тан.

Мужчина прикрыл веки.

– Хорошо. Постарайтесь меня не разочаровать. Мы можем сотрудничать и в дальнейшем.

Педро намеки понимал отлично.

– Я не подведу вас, тан.

А если и подведу, то сделаю так, что вы до меня не дотянетесь.

И встал из-за стола. Заказчик остался сидеть. Педро предстояло еще много работы. А человек, который заказал убийство детей, и не собирался на этом останавливаться, сидел, потягивал неплохое вино и смотрел в стену.

Сложно...

Откуда только раньше брались хорошие и верные слуги? Ведь куда ни ткни! Или верный, но дурак такой, что все дело завалит.

Или умный, но тогда обязательно на себя работать будет.

А ему-то надо другое...

Ему-то надо и дело сделать, и гарантии безопасности получить.

Как сложно жить!

Как трудно...

*** * ***

– ПОЖАР!!!

Феола подлетела на кровати, словно ошпаренная.

Что за скотство, а? Она только недавно уснула – и вот?! Какой пожар в двенадцать ночи?! Или сколько там... вы до утра подождать не могли?

Первой мыслью девушки было возмущение.

Она тут спит! И тут...

ПОЖАР?!

Веласкесы!!!

Попытка похищения!!!

Если бы эта ситуация не была обговорена с Амадо, Феола бы растерялась. Запаниковала, наверняка... она – одна. А где поджигатели?

Где похитители?

Куда бежать, за что хвататься?

По счастью, тан Риалон четко обговорил все с девушкой. В любой ситуации ее забота – дети. Похитители – потом. Ви-сента... эта сама о себе прекрасно позаботится.

Веласкесы?

Они взрослые. Да и охрана у них есть, вон, сеньор Веласкес хвастался. А твоя забота – дети.

Которых могут или похитить, или... чего уж там! Бывали и такие случаи в истории!

Убьют малявок, да и все тут! Просто потому, что кровь в них та же, что и в Мерседес. А кому они нужны? Замуж не выдашь, детей не получишь, а на власть претендовать могут. Нехорошо!

Так что никому они не нужны. Никто не станет себе плодить конкурентов. Почему пока не убили?

Могла сначала попробовать договориться... зачем, зачем делать все с шумом? Дети же! Они могут совершенно случайно подавиться косточкой, могут совершенно случайно

попасть под мобиль... вот лет триста тому назад был случай – один из принцев случайно упал виском на табакерку. Три раза.

И ведь как упал-то! При шестнадцати свидетелях! Ничего, все подтвердили!

Так что... в случае любой сложной ситуации Феола сначала спасает мальчишек, а потом по обстоятельствам.

Феола так и сделала. А именно – вылетела в коридор.

Дыма стояло – хоть ты топор вешай. А ведь огня почти не видно! И дым такой... едкий, пакостный, ни продохнуть, ни посмотреть... Феола опрометчиво вдохнула – и согнулась в приступе кашля.

Это ее и спасло.

Вылетевший из-за угла мужчина с навахой просто взмахнул оружием в том месте, где должна была оказаться ее шея. Но – увы.

Не повезло. Феола как раз кашляла, и удар прошелся чуть выше. А там и рефлексы включились, намертво вбитые Ад-эхи.

Ты – шаман?

Вот и работай, если ты шаман! Да не посохом по головам врага гвозди, что за вульгарщина! Откатилась в угол, залегла – и на расстоянии поливаешь всех заклинаниями. Что Феола и сделала.

Упала на пол, перекатилась чуточку вперед – и коснулась сапога мужчины. На долю секунды почувствовала под рука-

ми крепкое тело, мускулы... а потом – всё. С перепуга девушка просто «выпила» несчастного досуха. На пол тихо-тихо опустилась... почти мумия.

Феола злобно зашипела. Ну ничего, война все спишет... пусть потом докажут, что это – она. Адэхи ей говорил, не стоит показывать свою силу по-настоящему, люди испугаться могут. Но этот тип убил бы ее. Почти убил.

Да и некогда тут дозировать. Попробовать вперед? Так... детская – по коридору, направо, вторая дверь. Конечно, это было не слишком красиво, но Феола и не подумала вставать во весь рост и изображать из себя мишень. Она встала на четвереньки и в таком виде, полуползком, отправилась по коридору. И не прогадала.

Свистнул над головой клинок.

В этот раз Феола не стала выпивать чужую жизненную силу. Наоборот, отдала все, что уже успела поглотить. Двое мужчин, которые как раз взламывали нужную дверь, захрипели, сползая вниз.

Феола злобно ухмыльнулась.

Сила же!

Это как с кровью. Перельешь не от того, или не так, или не учтешь всех параметров – и пиши завещание. Вот и эти двое... что там с ними случится? Инфаркт? Инсульт? Да что угодно, когда все системы организма взбесятся и начнут жить в многократно ускоренном режиме. Девушка поскреблась в дверь, предусмотрительно не поднимаясь на ноги.

– Это я, Фи...

Несколько минут царило молчание. Потом сдавленным голосом откликнулась нянька, взятая Веласкесами специально для детей.

– Ритана Феола?

– Я, – выдохнула девушка, – открой, Соледад.

Засов скрипнул. Феола тут же заползла внутрь и заложила его снова. Оглядела позицию. И от души похвалила няньку:

– Вы умничка, сеньора.

Соледад, симпатичная женщина лет так сорока пяти, улыбнулась в ответ. Приятно же, когда тебя похвалили. И за дело...

Дети действительно были в безопасности. Насколько это могло получиться. Соледад укрыла их в ванной, помогла сделать маски, и дышали они через мокрые тряпки. Сама она была в комнате. Задвинула засов на тяжелой дубовой двери, подвинула к окну тумбочку, да не просто так, а очень разумно. Чтобы любой, кто в это окно снаружи полезет, ноги переломал. И сама стала ждать рядом с тумбочкой. С ножкой от стула в качестве оружия.

Обычный человек.

У которого шансы против трех наемников вообще нулевые.

Феола подумала, что хотела бы такую няньку и своим детям.

С другой стороны, Соледад ведь и для себя старалась. В

таких делах свидетелей не оставляют, случись что – ее первой убьют. Вот она и продала бы свою жизнь подороже.

– Что делать будем, ритана?

Наверное, кто-то другой скомандовал бы пробиваться к выходу. Куда-то бежать, искать, спасать...

Феоле за такие попытки нещадно перепало бы по спине шаманским посохом от Адэхи. Бежать?

Сначала выясни, куда, зачем и от кого, а уж потом бегай. А как тут выяснишь? Когда надо для этого сосредотачиваться, работать со своей силой... это воздушнику легко! Ему ветер нашепчет. Некромант может какое-нибудь некротворение, типа призрака запустить. А Феола не может. Нет у нее такого таланта.

А что есть?

Только умение работать с жизненной силой людей. В данной ситуации – маловато.

Огонь?

Так нет огня, только дым. И такой едкий, алхимический, что ли? Откуда ж он идет... Феола попробовала приняться.

– Мне кажется, что это оттуда, – сеньора Соледад поняла, о чем думает девушка. И кивнула в сад.

Феола задумалась.

Что ж. Это логично. Для любого, кто выкуривал пчел из улья, даже более чем логично. Но... что делают в таких случаях глупые пчелы?

Летят, куда им сказано.

А умные?

А умные находят источник дыма и начинают от души кусаться. Почему бы и не поучиться у умных насекомых?

Феола посмотрела на расстояние до земли.

На плющ, который вился по стене.

На сеньору Соледад. Пожалуй, доверять ей можно. А если что, Феола вернется. Или к ней, или за ней и детьми. Как повезет.

– Наемников в коридоре я уничтожила. Если что – кричите громче, хорошо?

– Х-хорошо. Ритана, а вы...

– А я тут рядышком прогуляюсь. В пределах видимости.

И Феола коснулась ладонью стебля плюща.

Потом, конечно, он погибнет. Но сейчас... сейчас он примет в себя толику ее жизненной силы – и станет прочнее стали. Уж Феола-то он точно выдержит.

Девушка, как была, в одной ночной сорочке длиной до середины бедра, скользнула в сад.

* * *

Что могут шаманы?

Очень многое. И если кто-то наивно представляет себе сейчас пляски с бубном вокруг костра...

Ладно-ладно. Это они тоже могут. Но если есть возмож-

ность сработать быстрее и эффективнее – они так и сделают. А то пока ты весь танец пропляшешь, пока духов предков призовешь, или еще каких духов – глядь! А тебя уже шесть раз убили!

Вопи потом с того света... как раз бесплотным и неприкаянным духом. Авось, доорешься.

Адэхи был шаманом.

И магию ритуалов он знал досконально, и Феолу обучал. Но шаманы и в ближнем бою очень неплохи.

Так что Феола спрыгнула на землю и приложила к ней ладони.

Дон! Дон!!! ДОН!!!

Это не барабаны, это кровь стучит в ушах. А вот это – уже не ее кровь. Это стучат шаги по земле. Это...

Чужак! Враг! ЗЛО!!!

И если кто-то попробует доказать Феоле, что трое мужчин в саду, у костра, делают что-то полезное. Явно же это не садовники пришли травку пожечь? Или у костерка погреться...

Феола выпрямилась – и послала чуточку своей силы в воздух. И вокруг тут же закружились те, кто готов был выполнить приказ юной шаманки.

Нет, не духи. Чего их постоянно тревожить? На зов шаманки откликнулись те, кто является частью живого мира.

Насекомые.

Сколько насекомых может жить в одном саду? Если спро-

свить садоводов и огородников, точной цифры они не скажут. Но их точно будет больше, чем нужно и хотелось бы.

Ладно – бабочки. Они, конечно, тоже вредят, но ведь и опыляют. Пчелы там, осы...

А со слизнями не сталкивались? С гигантскими?⁵ С медведками? С мокрицами? С...

Да много их! И на приказ шамана отозвались все. Да и что там было – того приказа? Насекомым просто сообщили, что их пища – у костра. Приятного аппетита!

Обычно насекомые так не поступают. Да и ночью не все активны. Но многие, очень многие. Феола зло ухмыльнулась, прислушиваясь к крикам. Да, не позавидуешь.

Ночные бабочки, жуки, мотыльки, кузнечики, а те же комары? Вы их не видели?

Порадуйтесь, что они не видели ВАС. Потому как все это летучее, кусучее и неубиваемое облако атаковало сразу и без пощады. Костер? Дым?

Поверьте, это – не преграда. Да, насекомые могут пренебречь вами, плюнуть сверху и полететь на поиски чего-то покуснее и поудобнее. Но если им приказали? Если натравили?

Тогда – можно уже и не спасаться. Насекомые налетают со всех сторон, кусают, просто ползут по коже, лезут в глаза, в волосы, в уши, в рот и нос, проникают под одежду...

⁵ Кому интересно – испанский слизень. До 15 см лапочка вырастает, а уж какой «полезный», не всякому врагу и подарить.

Что там дальше будет с негодьями, Феола и не думала. Не ее это дело. Пусть потом их лекари откачивают. А она чутко вслушивалась в окружающую ее ночь.

И услышала.

Вскрик.

Оборванный хрип, словно кому-то рот зажимали.

Как тут не поучаствовать?

Феола даже не сомневалась, что те трое – это не все налетчики. Кто-то должен и в дом отправиться... кто? К кому?

Окно?

Феола плюнула на все подряд и послала приказ плющу.

Раньше мог бы отмереть один стебель. Но остальной плющ выжил бы. Сейчас... дом определенно полысеет. Но плющ будет охранять окно. И никого не пропустит внутрь. Будет душить листьями, рвать ветвями, хлестать зелеными плетями. Сам погибнет к утру, но даст людям шанс выжить.

Такая уж магия шаманов.

Хочешь? Пожалуйста, получай. Но ты за это заплатишь. И Феола тоже, кстати говоря. Магам проще. У них аура, каналы силы... Нет, у Феолы это тоже будет, наверное. Но шаманы платят иначе.

Феола отдает кусочек своей жизненной силы. Завтра она голову от подушки не оторвет. А может, будет что-то другое.

Слабость, головная боль, женские дни придут раньше, может нарушиться что-то в работе организма... у беременных так вообще выкидыш может быть. Даром шаманизм не про-

ходит. В нем за всё надо платить.

За всё.

Но сейчас Феола понимала, что выбора нет. Сюда пришли со злом. И она... если она сейчас попробует отсидеться за чужими спинами, ее тоже убьют. Лучше уж сейчас выложиться до конца и умереть в бою. А не как корова под жертвенным ножом.

А теперь – вокруг дома. Туда, откуда донесся до нее крик. Феола успела вовремя.

* * *

Когда в доме потянуло дымом, Висента сообразила быстрее всех. И действовать тоже начала первой. Феола – девочка из благополучной семьи.

Веласкесы – купцы.

А Винни...

Кто никогда не замерзал зимой, не протапливал убогий домишко, не дышал дымом...

Топить по-черному – да, бывало в нищенских хижинах и такое. И целые семьи угорали, надышавшись дымом. Иногда людей успевали вытащить, иногда не успевали. Никто не видел, каково это? Как выглядят люди, которые задохнулись в дыму? Вот и хорошо, не надо такое лишний раз никому. Их соседи тоже страдали.

И домишки горели, и всякое бывало. Поэтому Винни точ-

но знала.

Горит?!

Дым?!

Спасайся, кто может!!!

При первом же намеке на запах дыма она взлетела с кровати и помчалась к Веласкесам. Вместе отбиваться легче.

Они еще спали. А в доме уже шел бой. Что-то звенело внизу, на первом этаже, что-то обрушилось...

– Что?! – ахнула сеньора Идана, которую Винни без особых рассуждений спихнула с кровати на пол. Ничего, ковер мягкий, не ушибется...

– Враги! – рыкнула девушка. Она бы и Гонсало тряхнула, но тот уже сам сообразил и натягивал штаны. В постель с любимой супругой он лег в длинной ночной рубашке, а в ней не подвигаешься.

– Инни, немедленно, одевайся!

Сеньора Идана уже сама сообразила. Огляделась... Винни уже протягивала ей рубашку любимого супруга.

– Некогда с платьями. Так удобнее.

Сеньора кивнула, и девушка порадовалась. Хоть спорить не стала. Сама Винни спала, как привыкла.

Ночные рубашки? В трущобах? Ну-ну... сейчас на девушке были панталоны и рубашка. В них и спать удобно, и вскочить по тревоге, и спрятать можно много чего. К примеру, кистень.

Винни плохо стреляла, вообще не владела холодным ору-

жем (ножи не в счет, ими все женщины владеют), но вот кистень был продолжением ее руки. А что?

Замечательное орудие, которым и более слабый человек может забить более сильного. Может-может. И даже сам под удар при этом не подставится. Винни понимала, что легко в этом доме не будет, вот и с кистенем не расставалась. Первой в коридор выглянула именно она.

На первом этаже явно шел бой.

– Мы можем их миновать? – посмотрела она на сеньора Гонсало.

– По черной лестнице, – кивнул мужчина. – Налево...

Увы, враги оказались не глупее. Даже умнее...

Куда пойдут люди из задымленного дома, в котором идет резня наемников, и те дорого продают свою жизнь? Понятно, на улицу.

То есть надо просто перекрыть парадный и черный входы. И дверцу для всякой хозяйственной радости, вроде угля, дров, запасов – тоже. Да, она ведет в подвал, но кто их знает? Могут и из подвала выбежать!

Веласкесов встретили у дверей черного входа.

– Хватай девчонку, – рявкнул кто-то.

Винни подумала, что ножом она бы точно ничего не сделала. А что тут можно? Да ничего... нож – это оружие ближнего боя. А в нем, как ни печально, женщине с мужчиной не тягаться. Хоть ты обкричись о равноправии, но мышц у мужчин больше, а реакция зачастую лучше. И тренировки,

опять же. Наемники-то этим живут, а Висента каждый день с ножом не пляшет.

Так что с клинком ее бы в единый миг скрутили. А кистенем она успела махнуть. Аж два раза.

Первый раз попала неудачно, только по руке, мужчина закричал... этот крик и услышала, кстати, Феола. А вот второй раз – вообще замечательно. В висок. Правда, уже другому противнику, но какая разница? Чем их меньше останется, тем ей лучше...

А потом на нее навалились, кто-то заломил руки за спину... что там с Веласкесами?

Винни не знала. Она отбивалась, рыча сквозь зубы такие слова, за которые даже братик вымыл бы ей рот с мылом. Пока получалось не очень... руки уже обвивала веревка, кто-то ухватил за косу...

– Кто хочет остаться в живых – подняли руки, – прозвучал рядом неприятный голос. Звонкий, девический, но... до того жуткий! Так бы могла заговорить громадная змея. С шипением, присвистом... только вот голос Винни был знаком.

Феола?

* * *

Девушка совершенно не выглядела угрожающе, она стояла перед нападающими, в одной ночной рубашке, рыжие волосы небрежно рассыпались по плечам и спине. Вид скорее

возбуждающий, чем угрожающий.

И она одна. А их... пятеро! То есть четверо, один на земле...

Фи, что же ты делаешь, дура! Надо же бежать, телефонировать... вторая мысль, кстати, пришла Винни в голову еще на лестнице, но телефонов у Веласкесов было всего два. Один в гостиной, где и шел бой, второй в кабинете. Тоже не проберешься, особенно сейчас.

И что остается?

– Феола! – почти простонала Винни.

Феола махнула ей рукой.

– Спокойно, подруга. Так кто хочет жить?

Наемники едва ей в лицо не расхохотались. А потом самый наглый, тот, который только что врезал в челюсть Гонсало Веласкесу, шагнул вперед. И даже руку протянул к Феоле.

Это стало его последним действием.

Феола ухмыльнулась так, что у Винни мурашки по коже побежали. Стройными рядами. И протянула руку навстречу мужчине.

Их пальцы едва-едва соприкоснулись, самыми кончиками, а он уже падал, оседал на землю, и как-то так неправильно, что казалось – он ничего не весит. А когда Винни увидела его лицо...

Визг был простителен девушке.

И обморок – тоже.

Не каждый ведь день видишь на земле натуральную сухую мумию, которая получилась из живого человека. Вот же он, только-только ходил, говорил, двигался... и вдруг! Сейчас любой некромант поклялся бы, что этот человек уже лет двести мертв, а то и больше...

Коричневая кожа, запавшие глаза, в единый миг высохшее тело, превратившееся в сплошные кости...

– Кто следующий? – неприятным тоном поинтересовалась Феола. Над ее ладонью горел белый огонек. – Я могу хоть всех, разом. Ну?!

А больше и не потребовалось. Руки разжались. Мужчины кинулись наутек, вопя и завывая... не все. Огонек сорвался с ладони девушки, метнулся вслед... двое мужчин повалились на землю, словно подкошенные.

Феола с омерзением отряхнула руки.

– Тьфу, сволочи.

И обратила внимание на Винни.

– Ты в порядке?

– Ик, – вежливо ответила девушка. – Ык...

– Бывает, – посочувствовала Феола. – Значит, жива. И Веласкесы тоже... ты с ними побудь, ладно? Развяжи, приведи в чувство, успокой. А я в дом.

Винни поежилась.

А когда фигурка с рыжими волосами скрылась в дверях, порадовалась. От души порадовалась, что Феола к ней не прикоснулась. Такая жуть пробирала!

Брррр!

Такое было за гранью реальности даже для дочери трущоб. Есть пределы и ее стойкости... но послушаться Феолу стоило. Что она там сказала? Развязать? Успокоить...

Да что угодно! Сейчас займется! Со всем прилежанием! Винни мало кого и чего боялась, но вот эту рыжую красотку она сердить не захочет. Никогда.

* * *

То ли наемники паршивые, то ли десять – это мало, то ли еще какая причина.

Именно эта мысль появилась у Феолы в доме.

Четыре трупа красноречиво говорили сами за себя. Очень красноречиво. И оставшиеся наемники, которые отбивались от четверых противников, тоже Фи не порадовали.

Как-то они это паршиво делали... вот и еще один упал.

Да что же это творится такое? В центре столицы, буквально в паре улиц от Управления полиции...

А дальше Феола и не раздумывала. Она просто свистнула так, как научил Адэхи.

Это вам не выдыхание воздуха через зубки. Это резкий звонкий свист, уши закладывает. Понятно, на девушку обратили внимание.

– Оружие сложить, лечь на животы, лицом вниз. Сдавайтесь!

Вместо ответа в Феолу полетел чей-то кинжал. Не попал, конечно. Адэхи в нее регулярно чем-нибудь да швырялся, сначала не острым, а потом... потом и копьём мог запустить.

Девушка легко уклонилась – и развела руки в стороны.

Вот они, четверо врагов.

И их ауры, их жизнь, их сила, которая так соблазнительно сияет рядом. И так легко потянуть эти нити на себя, выпить их досуха, насытиться...

Так просто.

Так соблазнительно...

Впрочем, соблазняться было некогда. Феола поступила проще. Остатки чужой жизненной силы еще бродили у нее в крови. Еще пели, еще звенели, еще толкали на безрассудство – они и отправились в чужие ауры. Стрелками...

Двое мужчин оказались послабее, зашатались, один даже клинок выронил, и тут же был убит. Второго не убили, но рана оказалась серьезной.

Еще двое переглянулись – и ринулись на нее.

Тут бы Феоле и конец пришел – спасло чудо. Девушка отшатнулась назад, запнулась о порог и по-простому шлепнулась на попу. Первый удар прошел над ее головой, а второго уже и не последовало. Ведьма она там, не ведьма, а кидаться на нее, оставляя за спиной живого противника – чревато.

– Уффф, – перевела дыхание Феола.

– Ритана. – Один из мужчин, вроде как командир? Или нет? Феола не помнила его в лицо... – Как вы?

– Нормально. Веласкесы у черного хода, дети в детской, поджигатели в саду, их надо спасать. И там же кто-то еще раненый. Или в обмороке, – честно созналась Феола. Она даже и не осознавала, что ее ночная рубашка задралась почти до талии, а трусики там чисто символические.

Голова кружилась.

– Ритана, а вы...

– Я, кажется, сейчас в обморок, – пробормотала Феола, борясь с головокружением. – Не переживайте, отлежусь – встану.

И действительно откинулась назад. Если бы не подхватили, была бы у героической спасительницы всех и вся здоровущая шишка на затылке. А так – повезло. Только синяк на копчике.

* * *

Нюхательные соли – такая пакость! Кого хочешь в чувство приведут!

Феола исключением не оказалась. Расчихалась и глаза открыла. Над ней склонилась серьезная и встревоженная сеньора Веласкес.

– Феола, вы... ты в порядке?

– Да, спасибо. Как... все?

– Все уже хорошо. Муж вызвал полицию, все прибыли. Мы пытались привести тебя в чувство.

венно холодно, – что-то потеплее. Я много сил потратила...

Сеньора Идана кивнула. Вот это ей было понятно.

Как там маги тратят силы, как лечат истощение? Она и близко такого не представляла. Но если Феола говорит... мате, кажется есть на кухне, она сейчас... да она и сама его заварит! И сладкое точно есть. И...

– Висента, детка, принеси Феоле плед из моей спальни? Синий такой, толстый... и халат там в гардеробной. Возьмишь? Тоже синий...

Винни послушно отправилась в спальню.

Все же ей было не по себе рядом с Феолой.

Девушка откинула голову назад и прикрыла глаза. Даже это сделать было больно. Словно на внутренней стороне век шипы выросли.

Больно...

Сердце глухо стучало где-то в горле. Ох, не стошнило бы... хоть бы согреться...

* * *

В эту ночь дежурить у гроба деда выпало Игнасио.

Честно говоря... его бы воля, вытряхнул бы он старую сволочь из этого самого гроба, еще бы и ногами попинал... всем дед жизнь поломал своим скотским характером.

Игнасио, хоть и не говорил лишнего, но уши имел. И был из разряда «тихих омутов», в которых под каждой корягой

по три демона. Да жирных таких, годами откармливаемых...
А как, КАК еще выжить было при дворе?

Отец – тот сломался.

Тетка... Тоже, скажем честно. Если ее на что хватало, так это на защиту сына. Дочь та спихнула в Академию, учиться магии, а вот сына старалась защищать. Это единственное, что ее трогало.

Тетку Игнасио не уважал, но Лоренсо завидовал. И тому, что Лоренсо свободно ездил в свое поместье – тоже. И тому, что кузен регулярно бывал в столице.

Наверное, только его дед не согнул, не сломал.

За что он свою семью так ненавидел? Да уж было за что. Игнасио, хоть и помалкивал, про дедовскую любовь слышал.

Знал, что была у него какая-то симпатия, от которой бабка его заставила отказаться. И бабке он этого не простил. Ни живой, ни мертвой. Ни ей, ни ее детям.

Сколько уж лет прошло...

А мужчины, они так устроены, что детей от любимой женщины любить будут, а от нелюбимой... тут как повезет. Могут любить, могут ненавидеть.

Вот это и произошло.

Не любил их дед. Никого. Может, и не возненавидел, но относился к ним, как к кроликам в садке. Этого на развод, того на мясо, а белого и пушистого драть за уши, пока не почернеет. А потом опять драть. До поседения.

И счастлив не был, и всех вокруг сделал несчастным. Хо-

рошо хоть еще внуков переженить не успел. Сына – женил. Мать Игнасио помнил хорошо. И любил ее. Но мать была несчастна тоже.

Не любила она Хоселиуса. И он ее не любил. Династический брак, который очень быстро стал только договорным под пятой властного отца. Дед всех придавил.

Игнасио думал время от времени, что если бы отец взял мать и уехал в другой замок, да хоть в столицу, их совместная жизнь получилась бы более счастливой. Но на это отец способен не был. Увы. И снова – увы. К громадному сожалению Игнасио.

Прожила бы мать дольше?

Ему казалось, что да, а там – кто знает?

Но отцу было просто безразлично. Никого он не любил, не умел просто.

И тетка любить не умела. Недаром дочь она отдала учиться магии и думать про нее забыла. И сына старалась к себе не приближать. Ладно! Не будем о грустном. Всех их придавило, всех изуродовало. Про себя Игнасио тоже знал, что на любовь не способен. Не дано ему.

Любовь – это ж что? Это когда у тебя за спиной крылья, и ты летишь к солнцу... или нет?

Это когда ты за любимого и для любимого все отдашь.

Жизнь, душу, деньги, комфорт, положение в обществе – просто всё. А Игнасио про себя точно знал, что ни от чего отказываться не будет.

На постельные отношения он способен.

На любовь? Нет!

Хорошо оно для королевской семьи? Идеально!

Плохо оно для души и для сердца?

Отвратительно.

Отец и тетка на любовь не способны. Брат? Бернардо его... нет, не любит, для него Игнасио, скорее, как ценное имущество. Будет он беречь брата? Да, безусловно. Но горевать, если с ним что-то случится, не станет. Не сможет. Не сумеет.

Отец – слаб и безволен, тетка словно мороженая рыба, а Бернардо слишком рационален. Словно арифмометр на ножках. Увы. Всех это так или иначе накрыло.

А все дед...

Игнасио с ненавистью поглядел на предка.

– Сдох ты, сволочь, и хорошо!

Любить парень не умел. А вот ненавидеть...

– Сволочь старая! Гадина, мразь! Чтоб тебя на том свете каждый день демоны вилами в зад... пихали!

Игнасио отвернулся от гроба, прошелся по комнате.

Сегодня – не церковь. Не храм.

То каждую ночь они проводили рядом с храмами, и гроб ставили в храме, на освященной земле, а сегодня, вот, заночевали в дороге. Так получилось. Деревня тут есть небольшая, но и только.

Храма тут нет, сгорел, да не восстановили. Отец хоть и дал

распоряжение, но когда его еще построят? Сейчас-то его нет.

Вот и пришлось... поставили гроб в сельском трактире, и сидит сейчас рядом с ним Игнасио.

– Ненавижу...

Показалось Игнасио, или шевельнулась тень на стене?

Послышался ему шелест со стороны гроба – или это ветер за стенами?

Бред или реальность?

Мужчина взгляделся в лицо деда.

Кажется, раньше у него было другое выражение? Или нет?

Глаза закрыты, лежит спокойно...

НЕНАВИЖУ!!!

Игнасио порывисто отошел к окну и не увидел, как шевельнулись пальцы трупа.

Совсем чуточку. Буквально на крошку, согнулись-разогнулись и снова попробовали двинуться, но сил не хватило.

Покойник лежал, как ему и положено.

Игнасио сидел у окна, стараясь не смотреть на деда, а там и придремал в кресле, едва успел вскочить, прежде чем утром отец пришел. И даже не подозревал, что избежал серьезной опасности.

Мертвые не могут встать на освященной земле.

В храме.

В святилище Ла Муэрте – без ее воли.

А вот если так... если ночь, если ненависть, если нет никакого сдерживающего влияния святых предметов – да и от-

куда бы они?

Игнасио так и не узнал, что чудом избежал опасности. Его величество мог бы подняться, как упырь. Обыкновенный, кладбищенский.

Для зомби нужен некромант, для призрака незаконченное дело и кое-какие условия, а вот упырь из его покойного величества получился бы.

Хороший, на ненависти и родной крови вскормленный.

Но – повезло.

Когда Игнасио уснул, уснули и его чувства. А силы... сил у его величества тоже не было в достатке. Вот если бы несколько ночей, да подпитывать его гневом и болью, да не на освященной земле...

Игнасио ненавидел деда, потому что мечтал – безнадежно мечтал, чтобы его любили. Но любить его было некому.

Мать?

Матери его лишили, остальным членам семьи он был безразличен. Да и не умел никто в королевской семье любить по-настоящему. Откуда? Чего ты не видишь, чего ты с детства лишен, тому ты и не научишься. Никогда.

Увы, мединцы искалечили не одно поколение людей. И долго еще королевской семье будет аукаться их вмешательство.

Да сохранит Творец того, кто изобрел телефон!

И пусть даст Он изобретателю достойное перерождение!

Сколько сил экономит его изобретение! Сколько времени!

То пришлось бы посылать кого-то в полицию, писать или надеяться на хорошо подвешенный язык посыльного. А то можно просто поднять трубку телефона и разъяснить дежурному, кто это, откуда он телефонирует и что случилось.

Гонсало и в своем-то языке не был уверен, после всего увиденного. Ладно еще бой! Ладно – смерть!

Этим купца не напугать! Видывал он виды!

Но вот мумии, которые остались после Феолы... что в них такого? Казалось бы, просто применение заклинания. Сожженные люди выглядят тоже жутковато. И утопленники – после соответствующего вида магии. Но почему-то ТАК они не пугают.

До дрожи, до истерики, до крика.

Что-то есть в этом такое, подсердечное, словно всплывает из детских кошмаров. И становится жутко, и по телу дрожь пробегает... Гонсало к ним даже прикоснуться не смог.

Наемники оказались покрепче, стащили все трупы в кучу, а своих погрузили отдельно. Отвезут в церковь, там отпоют и похоронят по всем правилам. Гонсало уже с ними расплатился, в том числе и «кровавые» отдал. Те, которые выпла-

чиваются за погибших. По традиции, если умерший наемник был женат, эту сумму отдадут жене или родителям, если те есть.

Если у него никого нет, «кровавые» идут на счет отряда. Их ведь не всегда выплачивают, а люди гибнут. Такая у них работа.

Но Гонсало не поспешил.

Да, Феола спасла всех, но если бы не наемники, она бы просто не успела.

А вообще, ночь выдалась жуткая.

И смерти тоже...

И мумии.

И заеденные насекомыми люди.

И плющ, который до сих пор никого не подпускает к окнам. Видно, что погибает, с него листья облетают, ветки падают на землю, усыхая, но держится он до последнего.

А впрочем...

Купцы народ практичный. Чего переживать?

Подсчитали прибыль – убытки, да и вперед! Работа сама собой не сделается, пока ты переживаешь! Так что телефонируем полиции и начинаем подсчитывать убытки. Прибыль-то ясна, его семья жива и цела. А остальное – разберется!

– Сволочи, – печально сказал Амадо. И освободил камеру.

Почему, ах, ну почему здесь не предусмотрены камеры для буйнопомешанных? Такие, знаете, уютные, со звукоизоляцией? А задвижку внутри он и сам бы привертел. Ладно, хотя бы подпер дверь чем потяжелее.

И выспался.

Ага, недостижимая мечта снова помахала хвостиком.

Ну почему, ПОЧЕМУ нельзя было напасть на Веласкесов пораньше? Когда он еще не лег спать? Часов в десять вечера?

Почему нельзя было это сделать часа в четыре утра?

Почему в час ночи-то?! А его сейчас будят, а на часах полтретьего. И спать охooooоота...

Амадо зевнул так, что чуть челюсть не вывихнул. И печально поглядел на дежурного полицейского, который и пришел его будить. А самое грустное, что даже если бы Амадо спал дома, все равно бы разбудили. Только еще и Альба возмущалась бы. К приличным людям полиция ночью в дом не является. И не телефонирует! Даже если муж там работает! Это – не оправдание!

– Рассказывай.

– Было предпринято нападение на семью Веласкесов. сеньориту Мерседес явно пытались похитить. Самих Веласкесов или обезвредить, или увести с собой... не убили. Хотя и

могли, было у них несколько минут.

Амадо едва глаза не закатил. Это что за дамский роман?

– Сеньор, докладывать как положено вас не учили?

– Простите, тан Риалон, – исправился дежурный, понимая, что и правда накосячил. Амадо ругаться не будет, чего уж там, три часа ночи, но стоит все же ввести следователя в курс дела. – Около часа назад в сад особняка Веласкесов проник отряд в пятнадцать человек. Из них трое остались в саду. Они развели костер, и едкий дым пошел в особняк. Туда же отправились остальные наемники. Завязался бой. Ритана Ксарес проснулась и направилась к детям. – Амадо перевел дыхание. Он хоть и объяснял Феоле, что лезть в драку не ее дело, но все-таки... – К детям пытались прорваться двое наемников.

– Двое наемников?

– Они мертвы. Еще одного нашли в коридоре. Инсульт...

Амадо хмыкнул. Какие у нас наемники хрупкие, оказываются! Перенервничал – и готово? Прямо кисейные барышни.

– Это трое. Итого шестеро.

– В саду тоже три трупа.

– И тоже – инсульт?

– Нет, тан Риалон. Мошка заела.

– Чего?! – даже ошалел Амадо от неожиданности.

– Мошка. Комары, мухи, прочая насекомая пакость... к телам прикоснуться, сказали, страшно. Их просто заживо жрут.

– Шесть трупов, – посчитал на пальцах Амадо. – Еще кто?

– Сеньор и сеньора Веласкес, сеньорита Веласкес пытались сбежать через черный ход. Их встретили пятеро наемников. Одного убила сеньорита Веласкес.

– Как именно?

– Кистенем. Остальные скрутили всех троих, потом пришла ритана Ксарес. Один из наемников убит, два сбежали, еще один полупарализован.

– Убит?

– Я так понял, что ритана Ксарес применила свою силу.

Амадо кивнул, поставив себе на заметку расспросить Феолу.

– Одиннадцать наемников. Еще четыре?

– В гостиной и столовой завязался бой, в результате которого было убито шесть наемников, нанятых сеньором Веласкесом. Остальные отбивались, но неясно, на чьей стороне была бы победа, если бы не ритана Ксарес.

Амадо зашипел сквозь зубы.

Если посчитать... куда Феола не успела?

Везде успела. Какие наемники? Зачем Веласкес их вообще в дом тащил? Чтобы их там перебили? Ее одной достаточно! Ей-ей... уши надрать паршивке!

– Что она сделала?

– Применила свою силу. Один из наемников мертв... даже двое. Еще двое взяты в плен.

Амадо закатил глаза.

– Подсчитывая... у нас десять трупов, трое пленных, двое сбежавших.

– Да, тан Риалон.

– Среди Веласкесов есть жертвы?

– Все живы. Погибли шестеро наемников, двое слуг.

Амадо только головой покачал.

– Бред какой-то. Ничего не понимаю... зачем? Скрыть такое? В центре столицы? Не получится. Но что может быть такого важного, чтобы идти на такой шум и риск?

Дежурный вежливо промолчал, понимая, что Амадо рассуждает сам с собой. И когда тан Риалон замолчал, позволил себе кашлянуть.

– Тан, у меня кофе... свежий. Пять минут назад сварил.

Аккурат перед тем, как идти, будить несчастного следователя.

Ответом ему был полный благодарности взгляд Амадо.

– Вы мне жизнь спасаете, сеньор.

– И пирожки с мясом к кофе.

– И рассудок тоже...

* * *

Феола маленькими глоточками пила матэ. Если его заваривать в калембасе, его можно и нужно пить практически сразу. Листья падубы постепенно прогоняли отвратительную горечь с языка, и расслабляли сведенный спазмом желудок.

Может, минут через десять она даже попробует что-то скушать.

Может быть⁶.

Нельзя сказать, что этот матэ был идеален, он слегка горчил, да и вкус мог быть более насыщенным, но это же лучше, чем вообще ничего?

Конечно, лучше...

Ее укутали в теплый халат из овечьей шерсти, накинули на голову капюшон, на ноги натянули теплые носки, а сверху все это еще укрыли пледом. И Феола постепенно начала согреваться.

Очень противно, знаете ли, когда на улице жара, а тебя дрожь бьет. Колотит так, что калebas в руках удержать сложно.

Сеньора Идана погладила девушку по волосам.

– Ничего-ничего. Я помогу...

Она и помогала. Поддерживала, успокаивала, гладила по волосам... Феола постыдно расклеилась. И что самое ужасное, она себе это позволила. Ей даже стыдно не было. Да и за что?

Она сделала больше, чем кто-либо другой. Она имеет право быть слабой, она женщина. Так и Адэхи говорил. То есть, что мужеподобная женщина так же нехороша, как и женоподобный мужчина. Боги всем дали свои задачи, и не дело че-

⁶ Между прочим, правильно заваривать матэ очень сложно. Автор не справилась.

ловека менять ИХ дороги.

А для женщины вполне нормально и поплакать, и раскиснуть, особенно сейчас, когда враги закончились. А еще – упасть в обморок. Даже два раза. Сейчас можно, сейчас не опасно.

Дверь хлопнула.

Амадо Риалон выглядел спокойным и сосредоточенным. Те же темные брюки, та же рубашка темно-синего цвета, сверху куртка.

– Доброе утро, ритана, сеньоры, – вежливо поздоровался он. – Все в порядке? Ритана Ксарес?

Феола прислушалась к себе.

– Пока не все. Но будет лучше часа через два.

– Хорошо. Тогда пока лежите. Нам предстоит много работы...

И Амадо с ехидством подумал, как сейчас матерится Хавьер Карраско. А то как же!

Ему тоже телефонировали! Ты ж некромант, а тут десяток трупов... работать надо, тан. Никуда не денешься, полиция – она такая. Работа без выходных и проходных.

Впрочем, Амадо тоже долго злорадствовать не сможет. Если кто думает о романтике...

Нет, сеньоры! Подобные дела – это большая, очень большая, просто преочень разбольшая куча бумаг. И раньше полудня Амадо даже и не рассчитывал закончить всю писанину. Хорошо б не к вечеру! Никуда тут не денешься.

А когда расследованием заниматься?

И ведь ни на кого другого это не переложишь, может быть важно каждое слово...

Амадо вздохнул – и приступил к работе...

Спустя два часа он был попросту в бешенстве. И были на то объективные причины.

Во-первых, наемников было не пятнадцать, а семнадцать. Двое ждали в мобиле, неподалеку.

А во-вторых, заказчика знал только один. И да! Эта сволочь умудрилась не сдохнуть, а сбежать! Где его теперь искать? Да где получится... вся Астилия к вашим услугам, что там Римат!

Амадо точно бы удрал подальше. Или на дно залег... вот не верилось ему в сказки. Чтобы наемники не имели пару-тройку мест, где можно отсидеться?

Ха! И снова – ХА!

Наверняка их раньше, чем через месяц, а то и через год-два, никто и близко не увидит. Пока раны не зализут, новичков себе не найдут... еще бы! Так провалиться! Расскажи кому – не поверят! Три четверти всего состава потеряли! И не на войне, а так... гонялись за девчонкой. Красота!

Отряд Педро Косого был не из самых удачливых, это верно. Но таких потерь у него еще не было.

Двое человек, трое... бывало.

Но тринадцать из семнадцати?

Жаль, что сам Педро ушел, но это зверюга не раз травленая, опасность он шкурой чуял. Феола его зацепила, и нездоровиться ему будет долго. Но ведь не сдохнет!

Отлежится – и снова за свое...

А те наемники, которые попали в плен... да ничего они не знали, кроме своей задачи! Педро ни с кем ничем не делился.

Надо было прийти, взять девчонку, убить мальчишек, потом поджечь особняк... стариков? По обстоятельствам.

Получится – привезти живыми. Нет? Пусть сдохнут вместе с девчонкой.

Куда везти, знали Педро и водитель, который остался в мобиле. Понятно, их не спросишь. Куда-то в пригород, это точно.

Амадо только зубами скрипел. Вот кто, кто помешает негодяю повторить попытку? Кто помешает найти новых исполнителей?

И кто?

Негодяй-то кто?!

Увы, ответа на вопрос не было.

Конечно, Хавьер еще проверит трупы своими способностями. Но по живым... глухо.

Феола, хоть и морщилась, и постоянно закрывала глаза, все равно качала головой.

Не врут. Увы, опрошенные на скорую руку наемники просто не врут.

Может, они что-то знают, но что? И сколько? И как долго

придется копать, чтобы дойти до этого знания? И будет ли оно полезным к тому моменту?

Амадо не знал и злился. А, кстати!

Надо поговорить с Феолой на предмет шаманской магии. Что именно она сделала, и как это вносить в протокол. Мало ли что...

* * *

КлЕдбЕще «Сан Хосе».

МАгила на алее нищих.

Сам увидЕшь.

С тИбя пятсот желтяков.

Лоуренсио смотрел на записку так, словно у него в руке оказался жгучий ядовитый слизень.

Кладбище «Сан-Хосе»?

Да, есть такое, одно из самых старых, давно разрослось, и нищих там тоже хоронят, и мавзолеи там стоят, и церковь, и... да много чего там есть. Но зачем ему туда надо?

Но раз уж написал...

Лоуренсио положил записку на стол. Осторожно так, бережно. Анхель еще не пришел, а когда придет, он с ним обязательно поговорит. Пусть друг посоветует... или может, ему пока одному съездить?

Что такого-то? Утром он может и в храм заехать, и молебен отстоять, и по кладбищу прогуляться. Говорят, там невероятные по своей красоте мавзолеи. И мозаики периода до Завоеваний. А он так и не побывает там?

Нет-нет, надо срочно приобщиться к культуре предков.

Лоуренсио решительно встал и вышел из дома. Про записку он, конечно же, забыл. Подумаешь – лежит тут что-то такое...

Про слуг он тем более не вспоминал. Слуги – это же почти мебель, правильно? И собственных мозгов у них тоже нет...

Впрочем, он такой не один и даже не один из сотни. Увы.

* * *

Завтрак в особняке Ортисов проходил намного веселее, чем у Ксаресов. Улыбки, шутки, сам Рауль, две его сестры – пока незамужние, отец, мать, младший брат пока за стол не допускается... нет, приборами-то он пользоваться умеет. И все с ним нормально, десять лет уже.

Но!

Если его допустить за стол, никто другой и слова сказать не сможет. И как этому малолетнему поросенку удастся постоянно и непрерывно разговаривать? Даже когда он ест. Даже когда он спит?

Загадка...

Сначала все шло более-менее спокойно, но потом млад-

шая сестричка, Инес, тоже решила поговорить о самом любимом и женском. О чужих отношениях.

– А братика видели на набережной. Да с такой красивой ританой...

– Рауль? – поднял брови отец.

Было, было дело.

С тех пор, как Рауль лишился невесты по милости тана Анхеля, связывать себя брачными узами он не торопился. А родителям хочется внуков, наследников, гарантии того, что род не прервется, если завтра любимый сыночек на мобиле в овраг улетит на полной скорости.

– Ритана Алисия Катарина Ксарес, – отозвался Рауль скучным тоном. – Это важно?

– Конечно, – кивнула мать. – Ксарес? Из тех самых Ксаресов?

– Из них. Но от младшего сына...

– Там какая-то сложная история была? – вспомнил отец.

– Нет-нет, – отмахнулась мать. – Там было все очень романтично. Хулио Ксарес встретил свою настоящую любовь, отказался ради нее от наследства и уехал в Колонии. Это его дочка?

– Да, мама.

– И что ты о ней думаешь?

– Красивая. Глуповатая. Предсказуемая.

Отец тихонько хмыкнул.

По этим критериям из неизвестной Алисии могла полу-

читься почти идеальная жена. Но надо было осторожнее, чтобы не спугнуть сына. Так что...

– Не знаю, Рауль. Мне все равно эта идея не нравится. Может, ты обратишь свое внимание на кого-то другого? У нее, небось, и приданого нет, что там, в тех колониях? А красота... да мало ли по борделям красоток?

Рауль нахмурился.

Нет-нет, он все это и сам себе говорил, но основная движущая сила человечества, как известно, дух противоречия. Да и не так уж глупа Алисия, просто где ей было развиваться на том острове? Книжки, сплетни... такая домашняя тепличная девочка. Куда уж ей с таким, как Анхель, справиться? Даже распознать его! Тут и кто поумнее не справится!

– У нее хорошее приданое. Она сама говорила.

– Сто золотых? Или целых двести?

– Да, что-то около ста золотых. Ста *тысяч* золотых реалов, – согласился Рауль.

У тана Ортиса нож из рук выпал.

– Сколько?!

– Как я понял, в колониях удастся разбогатеть не всем. Но Ксаресы сумели наладить контакты с индейцами и очень выгодно торгуют. Так что в средствах не ограничены.

– Га... Гхм... – прокашлялся отец. – Ладно... Рауль, ты все равно подумай. Все же и ветка какая-то сомнительная, вот у старшего Ксареса тоже дочь есть, а деньги... у нас и своих хватает.

Рауль фыркнул, но отцу так отвечать не годилось. А потому...

– Да, отец. Я подумаю.

Видел он ту ритану Ксарес. До сих пор в кошмарах снится. Один нос непомерной длины с бородавкой на кончике чего стоит! Понятно, нос – это ерунда. И приданое ерунда, был бы человек хороший, но там ведь и характер под стать носу, и дед под стать бородавке! Столько Рауль, наверное, не выпьет. И вообще, надо бы ему съездить к Алисии, пригласить ритану на прогулку, пока Анхель не подсуетился.

Нужна она ему там, не нужна...

Но обломать такую тварь, как Толедо... надо! Обязательно!

* * *

– Как самочувствие?

– Паршивое, – честно созналась Феола.

Амадо сочувственно погладил ее по руке.

– Работать сегодня сможешь, или лучше отлежишься?

– Смогу, – кивнула девушка. – Только надо себя в порядок хоть как-то привести... голова болит.

– Бывает. Сможешь мне для начала рассказать, что ты делала и как?

Феола пожала плечами. Движение уже не отдавалось такой болью, как раньше, и она чуточку расслабилась.

– Это шаманская магия.

– В чем разница с обычной и что именно ты сделала? Сможешь мне пояснить?

Феола опустила веки.

– Да, смогу. Это несложно, просто неприятно. В чем отличие обычной магии от шаманской?

– Я как-то не изучал этот вопрос, – растерялся Амадо.

– Его мало кто изучал. Смысл в том, что у магов есть в ауре так называемые каналы. Если проводить аналогии, обычный человек в этом смысле безног и безрук. У него есть аура, но управлять он ей не может. И взаимодействовать с окружающим миром – тоже. Маг может быть проявленным или нет. То есть или калекой, или полноценным человеком.

– А шаман?

– Совершенно другая ситуация. Маг – тот, кто делает. Шаман – тот, кто знает.

– Знает?

Феола потеряла виски и постаралась объяснить то, что знала от Адэхи. Все же другая культура, другое сознание и понимание тоже другое.

– Маг – управляет. А шаман ничем и никогда управлять не может. Вот представьте себе реку. Надо, чтобы она текла по нужному руслу... маг придет, проложит своей силой канал и река потечет по нему, покорно и безропотно. Как там будет реке – неизвестно. Может, это принесет ей вред и через пару столетий она иссякнет. Может, в ней погибнет вся рыба. Не

знаю. И маг не знает. И узнать ему будет неоткуда. Шаман придет и попросит дух реки. И вместе с рекой они выберут для нее идеальный новый путь. Маг управляет. Шаман же... взаимодействует, разговаривает, просит, иногда получает не совсем то, что хотелось бы, но это всегда наилучшее решение.

– Для кого?

– Для мира. Выбор шамана не нарушает равновесия, это главное. Выбор человека может подтолкнуть, может ухудшить или улучшить, может дать непредсказуемые последствия. Шаман всегда знает, что он делает, зачем и каков будет результат.

– Даже так?

– Это основное различие. Есть и другое. У мага есть резерв силы. Исчерпав его или, крайний случай, уничтожив свои каналы, такое тоже бывает от перенапряжения, маг становится самым обыкновенным человеком. У шамана так не будет никогда. Живой, мертвый, усталый – шаман останется при своей силе. Потому что его слышит мир.

– Ага... и то, что ты сделала...

– Попросила плющ заплести окно и защищать. Он справился, хотя и погиб. Больно... Я потом посажу отросток. Он вырастет заново, я помогу ему.

– Для этого нужен был бы маг земли.

– Зачем? Плющ тоже живой, как и все в этом мире. Надо только попросить.

– Угу, – согласился Амадо. – а с наемниками?

– А что с ними?

– Их сожрали насекомые. Трех...

– И что? Я попросила насекомых... нет, не так. Я сказала, что эти трое – добыча.

– Их и добыли. Добили... из милосердия, – согласился Амадо.

Феолу его слова не впечатлили. Подумаешь, три трупа! Во времена оны шаманы тысячи жертв в гекатомбы укладывали.

Было. Адэхи рассказывал. Во времена Исхода – было. Правда, надо отметить, что все эти жертвы шли на алтари добровольно. Они осознанно отдавали жизни и души, смерть и посмертие ради того, чтобы их семьи, дети, внуки, просто любимые и близкие смогли уйти туда, где их не достанут завоеватели.

И те ушли.

А кто-то и оставался.

Только вот отношение к жизни и смерти у Адэхи было своеобразным. Безжалостность, возведенная в абсолют. И нравилось Феоле, не нравилось... Она это восприняла в полной мере.

Чудовищно? Ужасно и кошмарно?

Нет. Для индейцев это было как раз логично и естественно.

Есть те, за кого не жалко жизнь отдать. Они есть. И чтобы они жили, можно умереть, убить, сделать что угодно.

Есть все остальные. Они могут либо мешать, и тогда помехи надо как-то устранять, либо не мешать. И тогда на них можно практически не обращать внимания.

Есть враги. И их надо уничтожать так, чтобы другим неповадно было. Да, вот так! Враг должен быть убит с максимальной жестокостью. Не потому, что индейцы были такими уж негодьями, или садистами, или получали удовольствие от чужой боли. Это просто урок тем, кто решит напасть потом. Страшный, но необходимый урок. Вот, смотрите.

Эти – тоже напали. И как они закончили! Вам нравится?

Вот и поберегите себя, жизнь у вас одна. Вы – не шаманы.

– Еще несколько наемников умерло от инфарктов, инсультов. Кто-то стал похож на высушенную мумию. Это ведь вы?

Феола пожала плечами.

– Да, я так могу. Это важно?

– Да, Феола, – вздохнул Амадо. – Мне это писать в протокол. Что я должен сделать?

– Напишите, что это магия шаманов. В ней все равно никто не разбирается.

Феола попала не в бровь, а в глаз. Амадо, который лет с десяти увлекался индейцами, и до сих пор не оставил своей слабости, нахмурился.

– Не разбирается. Да... Но как получилось, что ты разбираешься?

– Один из индейцев был моим наставником. Он и сейчас мой наставник...

– Расскажешь? – выдохнул Амадо.

Феола кивнула. Расскажет. Потом – обязательно. А сейчас надо прояснить еще один вопрос. Даже два. И начать с более важного.

– У нас на островах это приняли бы как самооборону. Пришедший в мой дом со злом – да умрет. А в столице?

Амадо кивнул.

– Точно так же. Проблем с законом у тебя не будет.

– Тогда вопрос второй, что хотели нападающие? За кем они пришли?

– Мерседес похитить, детей убить, Веласкесов тоже похитить.

– А потом убить. Понятно.

– А... ну да! – сообразил Амадо, у которого голова была занята не тем. Понятно же, Веласкесов обязаны были потом убить. Они же не станут сотрудничать с теми, кто убил их внуков? Нет, не станут... – тогда что могут знать Веласкесы?

– Или кого они могли потревожить за эти дни? – подкинула идею Феола. – Если сеньор начал вникать в дела сына?

Амадо посмотрел на девушку с уважением.

– Ты прелесть.

И сказано это было не ради пустого комплимента. А ведь действительно. Раньше просто старались похитить Мерседес. Сейчас же...

Убить детей, поджечь дом, убить взрослых... и что после такого собирались делать с Мерседес? А вообще-то вопрос

серьезный.

Всю жизнь держать под замком?

Сообщить, что напали враги, а ее, вот, спасли, и теперь она по уши обязана прекрасному принцу?

Или... что-то поинтереснее?

Амадо серьезно задумался. А потом все же решился.

– Феола... я знаю, что мединцы никогда не связывались с шаманами. В Астилии эти твари есть, в других странах континента – вполне возможно. Или есть, или бывали, далеко от своей демонессы они старались не уходить. Но их никогда не было в Колониях. Почему?

– Потому что это – извращение естества, – Феола даже удивилась. – Ты же понимаешь, – как-то незаметно и у нее вырвалось это «ты», и было это очень естественно, – шаман не сможет такого стерпеть. Появись во владениях Адэхи хоть один мединец, он бы тут же его почувял. Они бы почувяли друг друга. А бороться с такими существами шаманы научены.

– Вот даже как...

– Если я определила, что Вирджиния не вполне человек, если ее мать... вот Мерседес – та уже почти человек. Хотя рожать я бы ей советовала только под присмотром мага. На всякий случай.

– Ты можешь узнавать мединцев?

– Вряд ли все население столицы пройдет передо мной строем, – фыркнула Феола. – И сколько мне придется на них смотреть?

Амадо понурился и расстался с очередной идеей. А как было бы приятно...

– Подожди! – вскинулась Феола. – А ведь было!

– Было?!

Феола закивала головой – и тут же охнула, упала обратно, схватилась за виски.

– Дура!!! – вырвалось у нее стоном.

Еще бы. Только что едва ползала, а теперь прыгать начала? Конечно, в такой ситуации поплохеет. Амадо молча протянул ей калечат с матэ.

Глоток, второй... вот, вроде бы и полегче стало, и подышать можно, и ноги теплые, и руки... сейчас-сейчас, все будет в порядке.

– Прости, – повинулся Амадо. – Это я, дурак, не подумал...

Феола махнула рукой.

Я, он... сама перенапряглась – сама и виновата.

– Я сама не подумала. Не сообразила...

– Может, еще что-то нужно? Чтобы восстановиться?

– Нет, спасибо.

– Ты не думай, у меня отец – маг, мачеха тоже... я ко всему привык.

– Например?

– У нас одному магу помогали сигары. Только не курить, а жевать.

Феола фыркнула прямо в бомбилью.

– Нет, мне не надо. Я приду в себя и достаточно быстро. Я правда серьезно потрудилась сегодня ночью. Вроде и ничего такого не делала, а все равно... мой учитель справился бы за десять минут, а я... я пока еще ничего не могу толком.

– А учитель как бы справился? – поинтересовался Амадо. Пусть девушка чуть отвлечется.

– Приказал бы врагам умереть, – даже чуточку удивилась Феола.

– Просто приказал? И все?

– Он умеет. Я не умею, – опустила глаза Феола. – Адэхи... он Учитель.

Произнесено это было так, что Амадо пока решил в тему не вдаваться. Учитель – и учитель. Хорошо. А вот что Феола вспомнила такого? Что ей даже плохо стало?

– Феола?

– Я... я же на таможне видела девушку. У нее такое красивое имя... Эллота, Элона, нет, не вспомню. Но мне показалось, что с ней неладно. А потом я просто обо всем забыла. Меня же встречали с таном Анхелем, ну я и разозлилась.

– С этим уродом? – рыкнул Амадо. – Нет, ну чем твой брат думает?

Феола качнула головой.

– Лоуренсио хороший. Просто мы ведь росли на острове, все знакомы, все свои, как тут научиться отличать гадюк от полозов?

– Как ты?

Феола пожала плечами.

– Меня воспитывал Адэхи. Это немного другое.

В эту тему Амадо снова влезать не стал. Успеется. Вместо этого он поцеловал девушке руку и пообещал немедленно отправиться на таможду. Поискать девушку с именем на «Э».

Феола едва-едва успела остановить его.

– Тан... если она тоже... самоубьется?

Амадо резко затормозил.

А правда?

Он не маг, ничего сделать с мединкой не сможет, разве что оглушить? Но как тогда с ней беседовать?

До места-то доставить – ладно. А остальное?

Амадо искренне задумался.

Вот, у отца такое выходило преотлично. Некроманты еще и не то могли.

У Рейнальдо тоже... он никого не оглушал, но выудить информацию мог из любого. Причем человек даже не понимал, что проговорился. Просто не осознавал этого.

А вот как быть ему?

В этой игре высокие ставки...

Феола смотрела на него несколько секунд, потом качнула головой.

– Тан, дайте мне шкатулку из синего чемодана, пожалуйста.

– Откуда?

– Синий чемодан, в гардеробной...

Амадо послушно отправился за шкатулкой, и всего после получасового сражения с вещами, победил. И принес добычу.

– Эта?

Самая обычная шкатулка.

Из самого обычного некрашеного дерева.

Только вот в крышку вделан осколок обсидиана. Обработан он в виде глаза, грубо так, схематично, но выглядит словно живой. Так и кажется, что через этот кристалл смотрит на тебя недобрый и чуждый всему живому разум.

Очень-очень голодный разум.

– Спасибо, – поблагодарила Феола.

Ей-то крышка шкатулки подчинилась легко. А Амадо – нет, хотя он и пробовал открыть. Ладно-ладно, совершенно случайно! Просто рука соскользнула... любопытно же!

Все равно – не получилось.

Внутри шкатулки чего только не было.

Перья, бусины, какая-то трещотка, кулоны, бусы, браслеты... жемчуг перемешивался с деревом, перламутр с дешевой галькой...

Феола ловко достала трещотку.

– Один взмах – парализация на полчаса. Два – на час. Три – смерть.

Амадо поежился.

– Даже так?

– Ну... вы не шаман, потому так. Доставить ее в участок хватит, а дальше решайте сами.

Амадо кивнул. И благодарно поглядел на Феолу.

– Я верну, ритана.

– Да, пожалуйста. Это из моих первых работ, хорошая память. На один раз вам хватит, не больше. Потом ей еще долго заряжаться.

Амадо понимающе кивнул. И осторожно сунул трещотку в карман куртки.

Такая маленькая. Такая опасная.

– Один человек – или все, кто будет рядом?

– Если рядом будет больше – делите время на количество людей, – понурилась Феола. – я же говорю, первые опыты. Два человека? Один взмах парализует обоих, но на пятнадцать минут.

– А три?

– Все равно смерть.

– Три подряд? Или с перерывом тоже?

– Именно подряд, – Феола не собиралась скрывать. – И третий взмах будет тяжелым и для вас. Может даже обморок быть.

Амадо кивнул. Он понял и запомнил.

* * *

Феола проводила взглядом Амадо Риалона. И хорошо, что

никто этого взгляда не видел, столько в нем было нежности.

Все, все она понимает!

Он женат, он старше, он...

А, неважно все это. Важно другое. Это – ее любимый мужчина. И никому она его не отдаст. Просто не сумеет. Рядом с ним становится легче. Просто сидеть рядом, держать его за руку... такое бывает, хотя и редко. Когда двое полностью совпадают, когда их ауры переплетаются друг с другом, когда растворяются...

Она не рассчитывала, что у нее будет так. Но вот – пришло. И случилось. И что теперь?

Конечно, можно себе сказать тысячу разных оправданий. И что ей всего семнадцать. И что еще столько всего может быть... хоть сто мужчин, всяких и разных, как в дорогой кондитерской, и что нельзя себя хоронить за первым встречным. Это бы ей наверняка сказала мать.

И Алисия...

Хотя мать за отца выскочила после пары встреч, и до сих пор жалеет только об одном. Надо бы – сразу! Чего это они целый месяц потеряли?

А Алисия... ну да! Анхель – не первый встречный, конечно...

Крыса!

Впрочем, долго ругаться Феола не стала. Потому что Ви-сента вошла в комнату.

– Феола, ты сможешь встать?

– Могу попробовать. А что?

– Тебе телефонируют... некто сеньора Торо.

– Елена Фелиса?

– Д-да, кажется...

Феола протянула руку. И отметила, что Висента не отшатнулась назад. Может, у них будет еще одна подруга? Хорошо бы...

Интересно, что сейчас делают девочки?

А зачем звонит сеньора Елена?

* * *

– Ритана Феола, мне кажется, вы должны это знать.

– Это?

Записку-то Лоуренсио бросил на столе. И понять ее как-то иначе было сложно. Конечно, сеньора ее прочитала. И решила, что это самый натуральный шантаж. Что ж она, дура какая? Все ясно и понятно!

Феола решила то же самое.

– Аллея?

Чувствуй она себя хоть немного получше, она бы туда отправилась. И разузнала бы все сама. Но...

Боль снова рвала виски когтями. И голова кружилась, и Феола понимала, если она сейчас не вернется на диван, под пуховое одеяло, она просто свалится в обморок. И будет этому рада.

Обморок – хорошо.

Пока ты в обмороке, ты ничего не чувствуешь, а вот как выйдешь из него... о, там ты и получишь все богатство ощущений. Маги пропускают силу через свои каналы. А Феола... шаман – он же не щупальцами взаимодействует, если проводить аналогии. Он просто растворяется в окружающем мире. И требуется очень много сил, именно чтобы не уйти.

Не рассыпаться, сохранить целостность.

Магам – чтобы не пропустить избыток сил и не сгореть.

Шаманам – чтобы не раствориться.

Адэхи рассказывал, когда шаман готов умереть, он просто... рассеивается. На рассвете, как правило, его учитель ушел именно так. Его тело рассыпалось миллионами сверкающих искорок, и на небе появилась радуга.

Ненадолго. Но она – была.

Шаманы плоть от плоти и кровь от крови мира.

Феола тепло поблагодарила сеньору Торо и, опираясь на Висенту, отправилась обратно.

– Что-то случилось? – поинтересовалась подруга.

– Да, наверное, – вздохнула Феола.

– Я могу помочь?

Феола обдумала это предложение.

– Да, возможно. Скажи, есть ли у тебя возможность навести справки о некоем тане Анхеле Толедо?

– Я попробую. Нужно – что именно?

– Просто что это за гусь. Слишком уж он прилизанный,

аж лоснится. Уверена – он дрянь. Просто я в столице чужая, не знаю, куда можно пойти и где спросить.

Честность Висента оценила.

– Я знаю. И спрошу. Меня бы сегодня ночью сложили, если бы не ты.

Феола кивнула.

– Спасибо. Если узнаешь о нем что-то – считай, в расчете. Семья для меня важнее всего, а он к семье лезет.

– Узнаю, – Винни такого тоже не понимала.

И получила в ответ улыбку.

Интересно, что сейчас делают девочки?

* * *

Лоуренсио медленно шел по кладбищу.

Кому-то, наверное, кажется возвышенной эта атмосфера. Все эти пихты, ели, кипарисы, ограды иobelisks, саркофаги и склепы...

Церковь, которая возвышается над всем этим полем смерти, поблескивая изящными стрельчатыми окнами.

Поэты могут тут прогуливаться, бледные, в блузах и со взором горящим. Потом сочинят вдохновенные стихи, зарифмовав «любовь» и «кровь», и ощутят, что выполнили свое предназначение.

Или художники...

Для творческих личностей такая атмосфера идеальна.

Мрачная, торжественная...

Лоуренсио это решительно не нравилось. Его все угнетало... в Колониях, на его родном острове, умерших хоронили в океане. Выходили в море на плоту, отходили подальше от берега, читали молитву... могли плот поджечь, а потом уплыть от него на лодке, могли не поджигать, а просто сбросить умершего в воду...

Дальше обо всем заботились море и рыбы. Кстати, потом и рыбы было больше, и улов лучше.

Обычный похоронный обряд, не хуже и не лучше других. Сжигать на костре? И где на острове столько деревьев набрать?

Хоронить в земле?

Теоретически – можно. Практически... вы знаете, какова площадь острова, и как часто могут умирать люди? Ладно, на плантации Ксаресов такое случалось крайне редко, но на других-то? А когда пройдет пятьдесят лет? Сто?

Это попросту нерационально, так расходовать землю, на которой можно что-нибудь посадить.

На материке землю не ценят. И разбазаривают под кладбища. И ходят сюда... зачем? Тело – только оболочка, а душа уже улетела, и ей все равно...

Ты хочешь показать, что помнишь и любишь?

Но зачем это показывать кому-то? Любимые и так рядом с нами. Всегда... в душе, в сердце, даже если сейчас они далеко, они все равно с тобой. Потому что ты – всегда мысленно

с ними.

Потому что ты их любишь...

Впрочем, Лоуренсио не формулировал четко свои мысли, хотя думал именно так. Ему просто было неприятно. А еще непонятно.

Вот где искать эту аллею нищих? Где их вообще хоронят?

А, вот, минуточку... кажется, это местные рабочие? Будь это кто-то из родственников или друзей усопших, они не были бы такими замызганными...

Лоуренсио шагнул вперед и повертел между пальцами серебряную монету. Недолго, секунды три. Потом реал исчез, словно и не было его никогда. Растворился...

– Чего надоть, тан?

Мужчина, который задал вопрос, выглядел так, что ночью Лоуренсио к нему не подошел бы. Точно. Вот в той таверне он казался бы на месте. А здесь...

Здесь он тоже на месте, учитывая неприязнь Лоуренсио к кладбищам.

Гадкое место, гадкий человек. Фу.

Весь толстый, какой-то бесформенный, словно свеча оплывшая... неприятный. И взгляд у него такой липкий, противный.

– Мне нужно знать, где аллея нищих.

– Это показывать надоть. Так не дойдете, тан. Заблудитесь.

– Покажите. И кто последний там похоронен – тоже.

Командный тон Лоуренсио на Слизня не произвел никакого впечатления.

– Добавить бы надоть, тан...

– Сколько?

– За желтяк я ваш на целый день.

Лоуренсио покривился. Так много ему было не нужно. Но...

– За... желтяк ты забудешь, что меня тут видел.

– Я уже забыл. И ребята тоже, – оглянулся Слизень на двух могильщиков, которые стояли рядом с ним.

– Пока не забыли, – протянул один из мужчин, показывая, что зубов у него осталось штуки три, и те черные.

Лоуренсио скрипнул зубами, но еще три серебряных монеты достал. Те тоже растворились в воздухе и явно обеспечили кому-то амнезию.

Если больше не предложат, конечно...

Слизень сделал полупоклон и повез Лоуренсио по одной из аллей.

Скоро тан Ксарес вынужден был признать, что песета... ладно, это много, но будь он один, он бы отсюда до утра не вышел. С пути он сбился еще на четырнадцатом повороте. А потом перед ним открылось совсем другое «Сан-Хосе».

Кладбища – они ведь тоже бывают разные.

Есть чинные, солидные, достойные, с мощеными дорожками, пихтами и памятниками истории.

А есть и вот такие. Где могилы натканы чуть не сплош-

няком, где никаких деревьев не растет, да и с дорожками беда, где ноги вязнут в жирной густой глине... и почему она такая? Вроде и дождей-то не было? А она цепляется за ботинки, норовит жадно засосать ноги по щиколотки, добратся до носков (между прочим, шелковых, два реала пара!), до брюк...

Да и саркофагов тут нет. Стоят кресты в два ряда, спинами друг к другу, и на каждом номер. Кое на каких таблички с именами, но и только, а так номера, номера...

– Почему так? – не выдержал Лоуренсио.

– Вы кресты-то поглядите, тан.

– А что с ними не так?

– А вот то... сбиваем, из чего придется, хоть бы и из старых заборов. Кто может, и сам крест поставит, и имя напишет, а мы, грешные... Это ж благородных хоронят, как положено, а всякую шелупень... вот, смотрите. Самоубийца лежит.

– Я думал, их в неосвященной земле хоронят?

– Да кто там разбираться-то будет, тан? Освященная она или еще какая... понятно, для благородных и священник с кадиллом пошагает, и молитовку честь по чести. А для нас – нет. Это еще из свежих кресты, старые-то вообще стоят, шатаются.

Лоуренсио сам видел. Старые кресты были полностью черными. Дерево гнило на глазах, пару-тройку лет – и от них ничего не останется. Снеси деревяшки в огонь и хорони за-

НОВО.

– А там раньше... там поле?

– Да что вы, тан. В два-три ряда хороним. Тут земля такая... года три, четыре – и можно опять копать. А бывает и такое, что старые могилы разрывают, кости в ров, что останется... если останется, и хоронить по новью.

– А родственники? Не возражают?

– Какие у нищеты родственники, тан? Кто другой и сам здесь очутится к тому времени.

Лоуренсио поежился.

Такой от этого всего веяло безнадежностью, такой тоской...

– А там что?

– А, из недавних. Вот, бедолага, сивухой траванулся. Говорят, ажно синий весь был...

– Бывает...

Лоуренсио силой задавил вопрос, в каком именно кабаке траванулся несчастный. Было у него одно подозрение... учитьвая ТУ сивуху.

– А вон там парня мобилем размазали. Да непростого.

– Мобилем размазали? – поглядел Лоуренсио на свежую могилу.

– А то! Такая история, тан! Хочь, расскажу?

– Расскажи. – Еще одна монета поменяла владельца.

Слизень приосанился и провел рукой по жидким волосам.

– Это такое дело было. Говорят, кто из благородных на

мобиле гонял, да и сбили парня молодого. В канаву оттащили, как собаку... совсем недавно, пару дней тому назад дело было. Знаете, есть у благородных такая забава, на мобиле по ночам рассекать... людям есть нечего, а они жируют!

Лоуренсио ощутил в горле твердый ком. Тяжеленький такой, словно чугунное ядро скушал. Даже сглотнуть попытался, чтобы это прошло, но слюна как-то разом пересохла и не проталкивалась внутрь.

– Во! А парень тот был не из простых свиней свинья.

– Не понял?

– Каракатий то парень был!

– Чей?

– Вы, тан, что ли, с неба свалились, Караката не знать?

Лоуренсио замотал головой, показывая, что не знает. Ни Караката, ни таракана. Про каракатиц слышал, но при чем тут одно к другому?

– Каракат под собой много кого держит. Из главарей он, понятно? – оглянулся по сторонам Слизень, хоть и не было никого рядом.

– А-а... – дошло до Лоуренсио. – Понял.

О нравах городского дна он немного был осведомлен тем же Анхелем. А то мало ли, попадет провинциал не туда, и лишится тан Толедо удобной дойной коровушки... так что Лоуренсио знал, что столица поделена бандами на несколько частей, что у каждой банды есть свой вожак, который и порядок обеспечивает на данной территории, и спрашивает

чего, и доит тех, кто у него живет...

Не танов, понятно. Но всякую шелупень – почему нет?

– Во! У Караката как раз дочка замуж за парня собиралась! Говорят, рыдает день и ночь, Каракат поклялся, найдет, кто его в канаву... того, скинул – кишки по веткам разматывает.

Чугунное ядро в горле Лоуренсио увеличилось в размерах.

– А... кишки?

– Вы, тан, не местный. Не знаете, как оно... того, бывает...

Уж что-что, а языком болтать – не лопатой махать. Слизень рассказывал вдохновенно. И о том, как людей находили без кожи, и завернутыми в содранную кожу, и сожженными заживо...

Те, кто работает на кладбище, такого порассказать могут... авторы ужастиков тихо заплачут, посыпят пеплом голову и удалятся под одеяло. Бояться.

Лоуренсио исключением не оказался. Песету он Слизню отдал, и еще пару реалов добавил. Но когда он дошел обратно до мобилия, его серьезно пошатывало. И тошнило.

И страшно было не на шутку.

Чего уж там, жить хотелось тану Ксаресу, жить... с неразмотанными по кустам кишками. А как уладить эту ситуацию?

Он и не знал даже.

Надо посоветоваться с Анхелем. Может, друг чего подска-

жет?

И... придется отдать деньги. Во всяком случае – пока.
Ой, мамочки, как же страшно!

* * *

– Не знаю, – честно ответил сеньор Веласкес на вопрос, кого он потревожил за эти два дня. – Знакомых и партнеров сына обзванивал, было...

– Список составляйте, – распорядился Амадо. – Подробный.

– Да, конечно. Тан Риалон, спасибо вам.

– Это моя работа, – отмахнулся от благодарностей Амадо. Гонсало покачал головой.

– Тан Риалон, вы ж не понимаете. Кто другой не подумал бы, и нас бы приговорили, и кого угодно, и вообще... если бы не ритана Ксарес, нас бы ночью порешили. Я-то понимаю... поговорил с людьми. Нас убивать шли. Это понятно и видно.

– Вот тем более, думайте, раз поняли, – распорядился Амадо.

Сеньор Веласкес кивнул.

– Да, конечно, тан. Скажите, а чем бы можно ритану Ксарес поблагодарить?

Амадо даже не задумался.

– Не запрещайте им с Мерседес дружить. Мне кажется, для нее это ценнее золота. Кто у нее там, на островах и был-

то? Считай одна сестра. А сейчас она себе подруг нашла.

– Не запрещу, конечно! – аж вскинулся сеньор Гонсало. – Как вы могли подумать!

Как-как! Молча!

Что Амадо, слепой, что ли? Не видел, какими вы глазами на Феолу смотрели? Бойтесь вы ее, видно же, и от своей семьи постараетесь держать подальше! Но проводить разъяснительную работу он не станет, еще не хватало.

Так что тан Риалон еще раз повторил свою просьбу и по списку, и по дружбе, и вежливо поинтересовался, как там Мерседес.

– Отлично, – сообщил сеньор Веласкес. – Проснулась, позавтракала, говорит, что сидит и рисует. А тан Мальдонадо рисует ее.

– Сеньор, вы понимаете, что никому...

– Слово даю, – поклялся Веласкес.

– Даже жене. Даже подушке ночью.

– Я понимаю, тан Риалон. Во что-то мой несчастный сын вляпался, иначе и не скажешь.

Амадо кивнул.

И не скажешь, и не надо ни о чем таком говорить... вляпался? Он и всю семью втянул, и под удар подставил... чем, ЧЕМ ты думал, идиот?! Денег хотелось? И побольше, побольше... ну, забери их с собой, на тот свет! В гроб подложи для весомости!

Что вот твои родные делать теперь будут? Как расхлебы-

вать? Чтобы их за тобой следом не отправили?

А что еще тан Кампос скажет? Накануне коронации такое...

Никаких слов, кроме матерных, у Амадо не было. И надо было ехать в порт. Вдруг да повезет?

* * *

Некроманты могут работать на выезде. Но предпочитают они свой уютный морг, интимную рабочую обстановку, комфортное окружение...

У Хавьера Карраско все это и было.

Трупы из дома Веласкесов все доставили ему. И мужчина расставлял свечи.

Тереса внимательно наблюдала за процессом.

Хавьер уже успел обнаружить, что трупов его помощница не боится, крови тоже... прелесть что за девушка! Бесценная подруга для некроманта.

– Свечей маловато. Я дам денег, сходи, купи. Ладно?

Тереса кивнула.

В работе тан Карраско начал обращаться к ней вполне непринужденно, но она не поправляла и не возмущалась. Это видно!

Человек работает, человеку не до того, человек увлечен... он бы и королеве реал сунул.

– Свечи так дорого стоят?

– Из черного воска? Да... возьми две коробки. Если останется сдача – сладостей. Лавка Мендеса, это на калле Тарло, там найдешь.

Все же присутствовать при некромантских ритуалах де-вушке не стоило. Пока – точно.

Вот позднее, когда Тереса ко всему привыкнет, когда он будет точно уверен, что некромагия не оказывает на нее разрушающего воздействия, тогда... тогда – как сама пожелает! Захочет, пусть сидит в уголочке. Да, вот еще, если в обморок падать не станет, визжать и хватать его за руки. Работа же! Понимать надо!

А пока ей и остаточных эманаций от ритуала хватит.

– Да, и каменной соли купи. Килограмм. Лучше – два.

Тереса кивнула.

Ну, каменная соль не редкость. Правда, частенько морскую продают, выпаренную, и кто победнее ее берет...

– Каменную? Не морскую?

– Каменную. Она лучше действует.

– Хорошо, – коротко ответила Тереса, взяла деньги и удалилась.

Хавьер проводил ее взглядом, прикрыл дверь за девичьей фигуркой, а потом размял пальцы жестом вдохновенного музыканта.

– Приступим, сеньоры!

И потащил в пентаграмму первый труп.

Эллора заполняла документы.

Рутинная работа ее ничуть не напрягала. Даже наоборот...

Было в ней что-то такое, размеренное, успокаивающее, спокойное, даже уютное.

Когда идеальные букочки ложатся на бумагу, когда все скучно, разумно, так обыденно, что поневоле расслабляешься. И не думаешь ни о чем.

Ни о Дарее... ох, сестренка, вляпалась же ты...

Ни о маминой тревоге – и кто бы не волновался на ее месте?

Ни о Кармело...

Ах, милый, милый Кармело... и букетик из хризантем, который он ей подарил. Осенние, тревожные, пахнущие дымом цветы... получится ли у них что-то? Будут ли они счастливы?

Эллора настолько была в своих мечтах, что даже не увидела, как открылась дверь, и на пороге вырос решительный темноволосый тан.

– Сеньорита Эллора?

– Да... – с удивлением откликнулась девушка. – Простите, тан...

– Мы не знакомы. Мое имя Амадо Риалон. – И уже ее

начальнику: – Сеньор Лопес, оставьте нас. Наедине.

Эллора с удивлением увидела, как сеньор Лопес поднялся с кресла. И он, и все остальные...

Но почему?

Что такого в этом мужчине?

Эллора подняла брови, но спросить не успела, мужчина представился первым. Достал из-за воротника жетон на цепочке, взмахнул им и убрал.

– Полиция. Следователь Риалон.

– Эммм, – пробормотала Эллора, соображая, что ей надо сделать.

Соображать получалось плохо.

Чем она могла заинтересовать следователя?

Что она могла сделать?

Садизмом Амадо не страдал, а потому и вступать в дискуссии не стал. Просто достал трещотку и взмахнул ей. Один раз.

Эллора осела словно подкошенная, а Амадо развел руками, убирая опасную игрушку.

– Простите, сеньорита. Моя знакомая сказала, что вы из мединцев, а потому... сейчас мы проедем в управление. Если я неправ – извинюсь. Честь по чести. А если прав... будем беседовать.

И, глядя на выражение глаз Эллоры, уже понимал, что прав. Он действительно прав...

Феола, ты не девушка! Ты настоящее сокровище! Скорее,

в участок!

Глава 3

Море...

Оно вечно, бесконечно, оно о чем-то шепчет, бормочет, смеется...

Оно перебирает песчинки на берегу, оно перебрасывает гальку с ладони на ладонь, оно улыбается.

Лазурные губы, пенные зубы...

А еще – черные клыки скал.

Острые, жадные...

Даря смотрела на море. Смотрела с тоской и печалью.

Здесь она могла не притворяться. Здесь могла быть собой.

Мединец...

Каково это – с рождения лгать, прятаться, не сметь показаться людям при свете дня? Помилуйте, она даже на земле жить не сможет! Ей нужна вода!

Она – амфибия! В том самом смысле. Не лягушка, которых стали понимать под этим названием. Она двоякодышащая.

Она может жить на земле, но должна возвращаться под воду. Иначе потом она сможет жить только под водой.

Она... да, она никогда не появилась бы на свет без Владычицы Синэри. Но разве от этого легче?

Она живая, ей хочется всего того, что есть у сестры...

и никогда не будет у нее.

Эллора радуется, купив новые туфли.

Даряя... а куда ей надевать туфли? На щупальца?

Как же она тосковала! Бросалась в море, приносила маме и сестре добытый жемчуг – так, от тоски, пыталась спускаться все ниже и ниже... умереть! Рано или поздно, она понимала, она заплывет или на такую глубину, откуда не сможет вовремя выбраться, или... да, бывает и так, что вода становится ядовитой. Всякое бывает⁷.

Семья не бедствовала. А вот Даряя... она тосковала. Она едва не выла от боли и горечи. Она...

Одна.

Навсегда одна.

Она же не знала, что на свете есть и другие! Такие, как она! Медицицы!

Оказалось – есть! Она думала, все погибли! Надеялась, что кто-то выжил, но встретить их... нет, невероятно! И все же, все же...

Когда она впервые увидела живого медицина...

Этот день она помнила всегда. Он был с ней, как кусочек сердца.

Даряя сидела на камне. Она частенько так встречала рассвет. Сидела, смотрела на море, пела... ей нравилось представлять, что ее голос помогает солнцу. Словно где-то там, оно за невидимой преградой, бьется – и не может по-

⁷ К примеру, выделяется сероводород. Да, под водой.

пасть к людям. И лучи свои отправляет, и мечется, и...

Нет, никак оно не сможет перейти некую границу.

А голос Дарей словно надламывает ее, как скорлупу. И солнце медленно, осторожно, чтобы не оцарапать округлые бока, выбирается наружу.

Странная фантазия?

И что? Девушка уже не имеет права пофантазировать?

Дарей пела и ждала. Пела на самых высоких нотах, которые только могла взять. Ждала, пока розовая полоса не побагровеет, пока по волнам не побежит солнечная дорожка, на долю секунды наполняя море кровью...

И по кровавой дорожке из моря появился ОН!

Самый красивый!

Самый невероятный.

Просто – ОН!

Рамон рассказывал, что плавал неподалеку. Ловил для удовольствия рыбу и услышал Дарею. И помчался на зов своей сирены...

Да, своей...

Его сирены.

Его...

Дарей произносила эти слова не просто так. Они с Рамоном... да, у них уже все было. Его не смущали щупальца, при его-то шипах. Его не смущала чешуя – он был сам закован в броню.

Ему нравилось в Дарее всё. Ее гибкость, ее изящество,

то, как она обхватывает его тело щупальцами, даже ее магия... ее голос, ее проклятье, от которого мама иногда валилась в кровать с жестокими мигренями. И рыба могла погибнуть от ее голоса⁸.

Но Рамон был счастлив.

Так казалось Дарее. Или правда – был?

Сначала они были только вдвоем. Их медовые дни, их любовь, их разговоры обо всем...

А потом... потом оказалось, что он не один. Что медницы не погибли. Что они живы... хотя бы их часть. И они хотят вернуть Владычицу.

Дареея поежилась. Посмотрела на горизонт, на котором уже пробивалась розовая полоска. Взяла низкую ноту. Почти угрожающую...

Хочет ли она вернуть Владычицу?

Она не знала.

Она обязана Ей жизнью, если бы не Синэри, Дарееи не было бы на свете, но... дальше-то как?

Хотя... чего тут думать?

Любимый мужчина говорит, что Владычицу надо вернуть!

Любимый объясняет, что потом они смогут быть вместе всегда. Вообще всегда... всю жизнь... вместе, жить, детей родить... могут ведь у нее быть дети?

⁸ От ультразвука – запросто. Человек, кстати, тоже, просто это нерентабельно, пистолеты дешевле.

Правда же?

Даря сомневалась, что может родить от человека, но почему не должен получиться ребенок от мединца? От такого же, как она?

Лидия не знала, что мединцы стерильны. Большая их часть создавалась Синэри как обслуга, питание, воины... да и просто – не хватало вначале умения. Потом уже Синэри приноровилась, а первые мединцы... да, их было очень легко и просто сделать. Но дальше они размножаться не могли.

Никак.

Даря... она не успела пройти полное посвящение, но она тоже была стерильна. Увы, убедиться в этом можно было только одним способом – на практике.

Или – двумя. Только где найти такого мага, который согласится осмотреть мединца? И не выдаст, и никому не расскажет?

Так рисковать никто не станет. Поэтому Даря могла мечтать о семье, о детях...

Синэри? Ее возвращение может принести вред людям?

А когда это влюбленные девушки задумывались о политике или пользе для общества? Для Даря был один-единственный критерий оценки ситуации. Одобрит Рамон – или нет?

Если Рамон хочет возвращения владычицы, значит, и Даря его хочет. Вот и все философские размышления.

Сколько там должно погибнуть людей, что именно для

этого надо сделать, как потом жить? Через труп легко переступят не только хладнокровные убийцы. Влюбленные дурачки тоже... вполне себе переступят. И не заметят. У них же розовые очки. Красивые такие, приятные... через них и десяток трупов не заметишь, не то что один!

И Даря подняла голову навстречу солнцу.

Только почему-то в этот раз пелось плохо. Вдохновения, наверное, не было...

* * *

– Ты б не ходила, а, Ришка?

Тереса подняла брови, поглядела на Пабло.

– Ты мне указывать будешь?

Это еще умолчать про остодемоневшее «Ришка». Когда ж ты, недоумок, запомнишь, что я – Треси!!!

– А ты не слышишь, что ли? Щас еще колданет! Будешь потом на четырех костях ползать!

Тереса прислушалась.

В морге что-то пролетело, упало, разбилось. Потом еще раз.

Потом послышался отчетливый мужской мат-перемат. И снова.

Тереса сделала шаг вперед.

– Не пуцу! – преградил путь храбрый Пабло. За что и поплатился.

Никогда не загоразивайте путь девушке с тяжелыми сумками в руках. А то ведь девушки... они и отмахнуться могут! Тереса и махнула ручкой.

Пабло прилетело тремя килограммами соли. Хорошей, каменной, с комками. Не убило, а жаль. Но отодвинуть – отодвинуло. Свечами Тереса драться не решилась, вдруг еще помнутся, да и жалко, стоят, как заразы! Считаю, две трети денег за них отдала. Но остатка хватило и на травяной сбор, и на варенье... Тереса уже поняла, что некроманту очень нужна забота. Может, он и повелевает мертвыми, но это не делает мертвым его. Ему и помощь нужна, и варенье, и горячий кофе, и просто, чтобы кто-то выслушал...

Ну, нравится он ей! И что?! Это еще не повод думать о тане Карраско как о мужчине. Конечно, у них ничего быть не может. Но чтобы на работу не пускать?

Убью!!!

Бедолага Пабло так и остался стоять, привалившись к стеночке морга. Пережидал. И правильно, Треси сейчас бы и еще ему добавила, чтобы костей не собрал! Дурак!

– Что надо?! – рыкнул Хавьер. И тут же был обезоружен выставленным вперед свертком, из которого так потрясающе пахло рыбой, что даже у некроманта слюна выделяться начала.

– Давайте я вас покормлю? Тан Карраско?

Долго тан ломаться не стал.

Все равно ничего не получается. Половина покойников не

поднимается, вторая просто ничего не знает, кто бы там всякой мошкаре в чем отчитывался... вот и разозлился. Пострадали при этом два черепа.

Один – костяной, ну тому что будет? Врезался, откатился, да и лежит себе на полу. Хавьер им регулярно кидался, еще в детстве начал, когда стащил со стола у деда и на спор в футбол играл.

Второй, правда, погублен безвозвратно. Но какой идиот будет дарить некроманту пепельницу в виде хрустального черепа?

Металлическую надо!

Некромант – человек с тонкой психикой и бьющиеся предметы у него долго не живут.

Тереса даже и внимания на это все не обратила.

Очень быстро на столе возникла тарелка с одуряющее пахнущей жареной рыбкой, рядом с ней салат с какой-то приправой... вот кто бы мог подумать, что обычные водоросли можно так вкусно приготовить?⁹

В чайничке заваривалась какая-то трава, на стол были выставлены несколько баночек с вареньем, а от беспорядка и следа не осталось. И черепа вернулись на свои места. Хрустальный, правда, в мусорное ведро, но там ему и место!

Хавьер накинулся на еду, словно дикий зверь. Треси молчала. Заговорила она, только когда тарелки почти опустели, а движение челюстей некроманта замедлилось.

⁹ Имеются в виду вакаме. Кстати – правда вкусно.

– Я могу чем-то помочь?

Хавьер качнул головой.

– Нет, Треси. Я просто разозлился. Ничего у меня с трупами не получилось... не встают, а кто встал, тот не говорит. Постаралась твоя подруга.

– Феола? – угадала Тереса.

– Ну да.

– Она говорила. Шаманская магия – это серьезно.

Хавьер фыркнул.

Шаманство он серьезным разделом магии не считал. Ну что, вот что они там могут делать, те шаманы? Грибочки жевать?

Вокруг костра плясать? Духов предков призывать?

Хавьеру налить, он чьих угодно духов увидит! Несерьезно это.

Но вот лежат ведь трупы, не поднимаются. Даже те, кого насекомые заели. И никакая некромагия, даже высшая, не может ему помочь! Да что там! Объяснений – и то нет!

– А подруга не говорила, почему так происходит?

– Нет, – качнула головой Тереса. – Но это можно у нее спросить.

– Спроси, пожалуйста, при случае, – попросил Хавьер. Ему было интересно, но он – некромант! Представитель одной из старейших семей некромагов! И интересоваться шаманством?

А вдруг чего будет интересного?

Ладно... сначала пусть Тереса, а потом и он, как положено.

В дверь морга постучали.

Сытый мужчина, как известно, добр и радушен, так что Хавьер даже на Амадо Риалона посмотрел благосклонно.

– Чего тебе, Риалон?

– Почти ничего. У меня тут живой мединец. Сможешь обеспечить ее такой до конца допроса?

– ГДЕ?! – подскочил Хавьер. – Смогу, конечно! Давай его сюда! Гм...

Мединцем оказалась девчонка лет двадцати. Амадо попросту втащил ее в морг, как куль.

– С ней что? – уточнил Хавьер.

Амадо посмотрел на часы.

– Ровно через шесть минут она придет в себя. А пока с ней шаманская магия, Феола помогла. То есть ритана Ксарес.

– Уже Феола? – съязвил Хавьер.

– Как у нее дела? – пискнула Тереса.

Амадо утащил с блюда пирожок с земляникой.

– Все нормально. Перенапряглась немного, голова болит, но жить будет. Она эту девицу и вспомнила.

– А-а...

– Если захочешь – съезди к ней вечером.

– Если будет время, – развела руками Тереса.

– Посмотрим, как сейчас дело пойдет, – подвел итог Хавьер, устраивая парализованную девицу в центре гептаграм-

мы и устанавливая свежескупленные свечи.

Сбежать?

Даже если помрешь, никуда ты от меня не денешься, дорогуша! С того света достану! То есть для начала я тебя туда не отпущу.

* * *

Сбывался самый страшный кошмар Эллоры.

Некромант!

Маги!!!

ПОЛИЦИЯ!!!

Ладно еще маги разного вида, Эллора и сама кое-что может. Но не сейчас, нет. Сейчас она с водой не заговорит, это она хорошо понимала. Загорались черные свечи, а сила внутри девушки словно бы гасла. Пряталась куда-то, испуганная. И Эллора понимала, что ничего не сделает. И физически...

Сбить свечу?

Вырваться?

Здесь и сейчас это было невозможно. Шаманская магия, некромантия... Эллора понимала, что даже если ее на куски захотят порезать – смогут. Ничего-то она не сделает, увы.

Наконец жутковатое оцепенение спало, и Эллора смогла шевельнуться, открыть рот...

– Я... за что вы меня?

– Сеньорита, – начал разговор Амадо. – Вы – то, что мы,

люди, назвали мединцами. Будете отрицать?

Отрицать было сложно. Но Эллора поежилась...

– Можем раздеть и осмотреть, – пригрозил Амадо.

Девушка поняла, что придется отступить. Ну и что?

– Да, я такая. Но я же в этом не виновата! Вас родили человеком, а меня нет!

Амадо подтянул стул поближе, уселся на него верхом и положил сначала сцепленные пальцы на его спинку, а потом и голову на руки. Тяжко вздохнул.

– Никто не виноват. А препарировать придется.

– Что?! – забилась Эллора. Наручники ее, понятно, не выпустили, но... препарировать?

Ее?!

Да за что?! Что она им такого сделала?! Жила себе и жила, вреда не несла... ЗА ЧТО?! Просто потому, что она отличается от других?!

– Видите ли, милая девушка, вы – первая, кого я вижу живой. Из мединцев, понятно. А пакостят эти твари в последнее время постоянно. И чего добиваются... вряд ли вы будете с нами сотрудничать по доброй воле. Потому придется вас скальпелем, а уж потом... Вот он, Хавьер, некромант. И шаман у нас есть. Не сомневайтесь, выпотрошим вас, как рыбу-прародителя.

Эллора задрожала.

Некромантов она боялась, но все же не так. А вот шаманы...

Страшное слово для мединцев, на самом деле. Нет, с шаманами они не сталкивались, это было, скорее, наследие Синэри. Когда индейцы уходили, когда ее туша протискивалась в проем, один из шаманов даже внимание обратил, что в оставленный мир лезет что-то не то.

И даже проклятием ее приложил.

Не убил и не добил, некогда было. И с проклятием Синэри постепенно разобралась. Но к народу, который способен на подобные вещи, преисполнилась уважения. У демонов оно всегда с трепки начинается. Порода такая.

– Я... не надо шамана. Пожалуйста...

– Ну, это смотря как разговаривать будете, – честно сказал Амадо. – Вот, тан Хавьер, он же почует, если вы врать будете?

Хавьер качнул головой.

– Нет, такого я не почую. А вот черный огонь...

Установить еще две свечи, нарисовать руны и поджечь фитильки было несложно. Эллора поежилась.

– Давайте проверим, – предложил Амадо. – Вы – Эллора?

– Да.

– Вы – Лариса? Соврите мне.

– Д-да...

Свечи полыхнули ярким бездымным пламенем, и огонь вернулся к прежнему размеру.

– Соврать не выйдет, – подвел итог Амадо. – Поговорим серьезно?

– Я... я же не знаю ничего!

– Чего именно вы не знаете, сеньорита?

– Ну... практически ничего и не знаю, – пожалала плечами Эллора. Огоньки стали чутьочку поярче, но ненамного. – У меня мать была замужем за одним из... тех, мединцев, которые сотворенные. А когда он подох, она меня схватила в охапку и убежала. И никаких контактов с оставшимися в живых не поддерживает.

Свечи и не дернулись.

А что? Эллора ведь не соврала. Лидии мединцы и даром нужны не были. Вот Дарее – дело другое. Но про сестру Эллору и не спрашивали.

Амадо вздохнул. А потом достал из папки лист бумаги.

– Давайте пройдемся по пунктам, сеньорита. И с вашей матерью я тоже хочу познакомиться. Итак... ваше полное имя, полное имя вашей матери, имя отца... дата рождения... вы – один ребенок в семье?

Эллора едва зубами не закричала.

Дари, прости меня. Я честно промолчала бы. Но ведь не соврешь им!

Гады!

* * *

Как поступит настоящий мужчина, узнав, что у его подружки – проблемы?

Кто-то, наверное, помчится разбираться и выяснять.

Кто-то махнет рукой.

Кто-то...

Кармело Луна Эскобар считал себя мужчиной умным и порядочным. Но вот что делать – не знал.

С одной стороны, Эллора вроде бы как его подруга... наверное. Он ей даже цветы дарил, целых четыре раза. И за руку держал, было. И гуляли они вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.